

КЕРРИГАН БЕРН

Брачная ночь с горцем

МАРМ

Шарм (АСТ)

Керриган Берн

Брачная ночь с горцем

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Берн К.

Брачная ночь с горцем / К. Берн — «Издательство АСТ»,
2017 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-114809-6

Гэвин Сент-Джеймс, граф Торн, – самый прославленный обольститель – намерен решительно изменить свою жизнь. А для этого необходимо, во-первых, получить некое поместье, идеальное для его планов по разведению скота, а во-вторых, – поскольку другого способа завладеть поместьем нет – жениться на его владелице... Выросшая на Диком Западе Саманта Мастерс – далеко не скромная викторианская дама. Она носит брюки, ругается, как старый ковбой, и может сама о себе позаботиться. Но обстоятельства складываются так, что ей тоже необходимо срочно выйти замуж. Так что предложение Гэвина принимается с благодарностью... Однако венчание – это не конец, а только начало. Как же сложится невероятная семейная жизнь неистового горца и независимой американки?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-114809-6

© Берн К., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	13
Глава вторая	17
Глава третья	22
Глава четвертая	30
Глава пятая	40
Глава шестая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Керриган Берн

Брачная ночь с горцем

Р.Л. Меррил и Эллей Брентон.

Что было бы с этой книгой без вас?

Kerrigan Byrne

THE SCOT BEDS HIS WIFE

© Kerrigan Byrne, 2017

© Перевод. Н.Л. Холмогорова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Пролог

Замок Рейвенкрофт, Уэстер-Росс, Шотландия

Мальчик, которого все звали Торном, потерял девственность накануне своего шестнадцатилетия. А невинность – намного раньше. Так рано, что едва ли осознал утрату.

В тот вечер отец купил шлюху по имени Тесса Макграт и привез ее в Рейвенкрофт. Он стал не первым и не последним, кто приглашал продажных женщин, чтобы сделать своих мальчишек мужчинами. Но Торн был слишком молод – и не догадывался, что Хеймиш Маккензи не собирався учить сыновей искусству любви.

Хеймиш хотел сделать из них чудовищ. Таких же, каким был сам.

Среди горцев Тесса Макграт славилась искушенностью в темной стороне любовных утех; однако, принимая предложение лэрда Маккензи, она не представляла себе бездонных глубин его жестокости.

Впрочем, она принесла с собой набор «игрушек»: мягких кнутов и плеток, кожаных постромок, веревок для связывания и иных любопытных штучек, которым даже пытливый ум мальчишки в возрасте Торна не мог подобрать применения.

Стоя бок о бок со старшими братьями, ужасно волнуясь, смотрел он, как отец привязывал соблазнительную нагую женщину к кровати, и то и дело косился на братьев, Лиам и Хеймиша, пытаясь по выражению их лиц понять, что сейчас следовало чувствовать и чего ждать.

Угольно-черные глаза Хеймиша-младшего, бастарда, носившего имя отца, горели хищным огнем. Нескрываемое злорадное предвкушение на его лице смущало Торна и ставило в тупик. Он знал, что Хеймиш – не девственник, в свои двадцать он уже мог похвастаться множеством побед над женщинами, в том числе победами, добытыми силой.

Лиам же, наследник Рейвенкрофта, едва достаивал обнаженную женщину взглядом. Он не сводил глаз с отца, и на лице его читалось какое-то мрачное опасение. Лиам, рожденный между Хеймишем и Торном, был сыном первой жены лэрда Маккензи. Той, что умерла.

Умерла, как гласили слухи, от руки лэрда.

Взгляд Торна снова метнулся от Лиама к отцу. Они были очень похожи. У обоих – длинные волосы, черные, как вороново крыло, полночно-темные глаза. Лица же – суровые, пожалуй, мрачноватые. С удивлением мальчик заметил, что Лиам вытянулся почти вровень с отцом; оба они казались ему мощными, несокрушимыми – словно дубы в лесу Инверторна. Торн не знал, была ли у Лиама женщина... или женщины. В последнее время они мало разговаривали. И все же Торн любил Лиама так пылко, как только может мальчишка любить старшего брата.

Лиам не знает страха. Он сильный и суровый, но всегда готов защищать брата. Когда Торн был маленьким, Лиам показал ему, где можно спрятаться от отца во время его приступов бешенства. И не раз принимал на себя оплеухи и удары кнута, предназначавшиеся Торну.

За это Торн любил брата, будет любить его до самой смерти, что бы ни случилось.

Маленьким Торн прятался в укромных уголках и закоулках Рейвенкрофта, а когда подрос, старался как можно реже бывать дома.

Тесса Макграт была чудо как хороша. Миниатюрная, стройная, с бледной гладкой кожей и родинками – знаками любви – в таких местах, о которых он много фантазировал, но никогда еще не видел воочию. Под высокой грудью... На бедре... И прямо над завитками волос между ног.

Вид обнаженной женщины очень его возбуждал. И еще сильнее возбуждали ее телодвижения – она так соблазнительно извивалась в своих путах, так мурлыкала, умоляя сделать с ней то, что женщины до сих пор делали лишь в его фантазиях. О боже! Она произносила все это вслух!

«Завтра, – думал Торн, – непременно расскажу обо всем Каллуму!»

Каллум, сын старшего конюха, был на год или на два моложе Торна; однако вот уже много лет они вместе бродили по Уэстер-Россу, взбирались на Гришем-Пик, скакали по бескрайним просторам лугов Эррадейла – и давным-давно стали лучшими друзьями. В последнее время Каллум повадился таскать душистый табак из табакерки своего отца; этот табак они раскуривали вместе, устроившись в укромном уголке за пастбищами и любуясь тем, как волны бьются о черные утесы, или смеясь выходкам пушистых и рыжих горных телят.

И говорили почти только об «этом». Обнаженная женщина – какая она? А на вид? На ощупь? Что с ней можно сделать? А что она (будем надеяться) захочет сделать с ними?

Еще они подглядывали за миссис Росс – статной черноволосой молодой женщиной с сияющими голубыми глазами и бесконечно соблазнительной походкой. Миссис Росс была сильна и полна жизни, звонкий смех ее разносился далеко над лугами, и мальчишки, услышав этот смех, невольно улыбались. Одевалась она как настоящая леди, хоть и была женой простого скотовода.

Иной раз, в особенно теплые и солнечные дни, забравшись на какой-нибудь из высоких камней у подножия Гришем-Пика, мальчишки смотрели, раскрыв рты, как Джеймс Росс обихаживал свою хорошенькую женушку прямо у амбара – на глазах у Господа Бога и равнодушных коров. Платье и все прочее она не снимала, и сам акт любви, к большому разочарованию мальчиков, скрывали бесконечные нижние юбки. Все происходило быстро и громко, а потом муж и жена переводили дух и смеялись – обнявшись и не сводя друг с друга глаз.

– Вот на такой я бы женился! – сказал однажды с легким ирландским выговором Каллум.

– И я, – с готовностью согласился Торн.

Хотя... если честно, он скорее выбрал бы женщину, похожую на его мать. Изящную, с мягким голосом и очень добрую. Таковую, чтобы никогда не сердилась. О миссис Росс такого не скажешь; мальчишки не раз слышали, как она кричала на мужа, а однажды даже запустила в него башмаком – попала прямо в зад!

Разве леди так себя ведут?

Вот мама никогда бы так не поступила!

Хотя у нее и возможности нет. Отец наверняка ее убьет, если она хотя бы голос на него повысит – что уж говорить о летающих башмаках!

Боже, как же Торн ненавидел отца! Почти так же сильно, как боялся.

Ну почему он не родился в семье простых людей, вроде Россов? Пусть с землей, с состоянием (он слышал, что у Россов денег хватает), но вовсе не знатных – безмятежно счастливых жителей зеленого королевства, где Торн частенько искал утешения, сбежав из мрачного мира родителей.

Что ж, в следующий раз, когда им с Каллумом удастся ускользнуть, Торн расскажет ему, что сегодня ночью стал мужчиной! Расскажешь, что сделал с настоящей живой женщиной все то, о чем они фантазировали долгими летними вечерами – и еще многое, многое другое!

Порой он чувствовал, что почти ненавидел Каллума. Ненавидел, потому что завидовал. Ведь при таком отце – ворчливом, но добром и справедливым, Каллум мог сколько угодно носиться по горам и болтать все, что только в голову взбредет.

Сам же Торн на восьмом году жизни – после смерти дяди с материнской стороны – сделался графом и наследником рода Сент-Джеймсов. Замок Инверторн, что на севере, принадлежал ему, хотя управлял им отец – как его опекун.

Но титул для Торна ничего не значил. Куда важнее было то, что он сообразителен, умеет красиво говорить, – а значит, завтра опишет ночь с Тессой Макграт в таких красочных подробностях, что у Каллума от зависти глаза на лоб полезут!

Мог ли он знать, что и об этой ночи, и обо всем, что за ней последовало, решится рассказать Каллуму лишь много лет спустя?

Торн больше не думал о будущем: вид соблазнительной нагой женщины, распростертой перед ним на постели, захватил все его чувства.

Но в следующий миг лэрд достал кнут – свой любимый, – и радостное возбуждение Торна опало и съежилось, как съеживается мелкий зверек, почуяв запах хищника.

Кнут Хеймиша – излюбленное его орудие, несущее боль и ужас, – хранился в роду Маккензи со времен древнего Рима. Легенда гласила, что пикт, дальний предок Маккензи, вырвал этот кнут из рук легионера и забил его до смерти его же собственным кнутом.

Торн не знал, правда ли это, но хорошо знал и боль от «поцелуев» этого кнута, и долго незаживающие шрамы, что оставлял он на теле.

Отчаянное «нет!» сорвалось с его уст, когда лэрд занес кнут над спиной мурлыкавшей женщины. Она выгнулась, сладко ахнула в предвкушении... И два страшных удара обрушились на нее, вспарывая и раздирая безупречно гладкую кожу. А из груди женщины вырвались два пронзительных вопля.

Торн отшатнулся, когда отец перешел на их с Лиамом сторону кровати и протянул им свое ужасное орудие – рукоятью вперед.

– От каждого из вас – по два удара! – приказал отец.

– Она же умрет! – воскликнул Торн, не удержавшись.

Сейчас он ненавидел себя за то, как дрожал его голос, за то, что не мог сдержать дрожь, глядя на кровь, струившуюся по женской спине.

Кулака отца, летевшего в лицо, он не видел – должно быть, инстинктивно прикрыл глаза. Увидел только звезды перед глазами и ощутил, как рот его наполняется кровью.

– По два удара. На каждого, – повторил лэрд. – Можете распределить их между собой как захотите – мне плевать. Но она не встанет с этой кровати, пока не получит еще шесть кнутов.

Никто из младших Маккензи не произнес ни слова. Все боялись даже дышать. Однако, покосившись на Лиам, Торн прочел в его глазах ненависть к отцу, не уступавшую его собственной.

– Или это сделаете вы, – добавил лэрд со злобной усмешкой, – или я сам.

Хеймиш-младший потянулся за кнутом, на лице его читалось и смущение, и опаска, и предвкушение.

– Нет! – Лиам шагнул вперед и почти вырвал кнут из руки отца, прежде чем до него дотянулся Хеймиш. – Это сделаю я!

Шесть ударов кнутом... Шесть нескончаемых пронзительных воплей... Шесть вечностей в аду...

Когда все закончилось, щеки Торна были мокрые от слез. Оплакивал он не только девушку, но и брата Лиам. Своего героя. Спасителя. Оплакивал его падение – то, как Лиам, лучший из них троих, вершил насилие над беззащитной женщиной, и в лице его – в тусклом свете свечей – было все больше тьмы, все больше ярости, все больше сходства с отцом.

Торн знал, что никогда этого не забудет.

В глубине души он понимал: у брата не было выбора. Если не он – то отец. Быть может, для того Лиам и взял это на себя – хотел уберечь братьев от столь ужасной обязанности.

И еще Торн знал: лицо этой женщины, искаженное болью и ужасом, будет преследовать его в ночных кошмарах до конца его дней.

Эта ночь изменила все.

И кнутом дело не закончилось. О нет, с кнута все только началось!

Целый час, повинаясь приказам лэрда, трое его сыновей делали с избитой окровавленной женщиной то, о чем постыдно думать и невозможно рассказать. Но и это был еще не конец.

Да-да, когда лэрд наконец-то отвязал женщину и выставил за дверь – это был еще не конец. Для Торна ужас только начинался.

Мрачная гордость и удовлетворение светились в глазах лэрда Маккензи, когда он смотрел, как Лиам провожал женщину до дверей. Шла она с трудом, но, к чести ее, отталкивала руку Лиам, желавшего ее поддержать, и проклинала их всех, требуя возместить ущерб.

– Редкая девушка, – заметил Хеймиш-старший. – Так и не сломалась... – Он обратил холодный взгляд на Торна.

А тот уже не плакал, слезы закончились у него где-то в середине всего этого. Он ненавидел себя, чувствовал себя покрытым грязью с ног до головы – и знал, что никогда не отмоеся.

Торн опустил взгляд на свои руки – и ощутил острое желание их отрезать. Боясь совершить какую-нибудь несказанную глупость, он скрестил руки на груди, обхватив себя за плечи. Увы, мышц под ладонями почти не чувствовалось. Как хотел он сейчас быть таким же мускулистым, как Лиам, или хотя бы плотным и мясистым – как Хеймиш!

Но он – всего лишь мальчишка. И ничто из того, что пережил он за этот час, не сделало его мужчиной. Так что ему нечего было рассказать Каллуму. А если попробует – Каллум выслушает его рассказ с омерзением или, того хуже, с жалостью.

– Нет на свете ничего позорнее и презреннее слабости! – отчеканил лэрд, впившись Торну в лицо своими змеиными глазами. – Ты весь в свою мать! Что ж, по крайней мере, двое моих старших – настоящие мужчины! – И он хлопнул Хеймиша по плечу.

– Отец, эта шлюха, возможно, заговорит, – заметил Хеймиш-младший. – И у нас возникнут неприятности.

– Не беспокойся. Есть много способов заставить ее молчать.

От этих слов, – а еще более от тона, каким они были сказаны, – Торн содрогнулся. Ему хотелось разорвать себя на части, содрать собственное жалкое мясо с ни на что не годных костей. Хотелось бежать из этой комнаты и никогда не возвращаться. Хотелось сорвать с сапога отца острую шпору, воткнуть ее в черный отцовский змеиный глаз и положить конец мучениям матери и своим.

Но знал: даже если и решится на такое – с отцом ему не совладать.

«Пока не совладать!» – мысленно добавил он, чувствуя, как вскипает в сердце ненависть.

– В Гэйрлохе сегодня вечеринка, а кровь у меня все еще кипит, – зевнув, заметил лэрд. – Пожалуй, поеду туда поразвлечься.

– Отец, можно и мне с вами? – спросил Хеймиш.

– Что ж, едем вместе. Там будет одна бабенка, к которой я уже давно присматриваюсь, и сегодня она точно не скажет «нет»!

И Торн остался один. Обнаженный – если не считать килта и одного шерстяного чулка.

Он не знал, сколько простоял так, во тьме, едва разгоняемой тусклыми огоньками свечей. Колеблющиеся тени на стенах болезненно напоминали об ужасах, свидетельницей которым стала сегодня эта спальня. Сбитые простыни, пятна крови... О боже! Он отвернулся, не в силах смотреть.

Наконец к нему вернулась способность двигаться, и ноги понесли его по коридорам в то единственное место в мрачном замке, где он находил утешение, – в покои матери. Скрип двери пробудил ее от дремоты. Торн едва помнил, как бросился на пол у ее ложа и рассказал ей все. Помнил, как смутно, словно сквозь сон, спрашивал себя: ощутит ли она исходящий от него запах женщины... и позора? Не решит ли она, что он стал таким же, как отец? Будет ли и дальше его любить?

Когда рассказ был закончен, мать прижала его к себе и долго сидела так в темноте, и на лоб Торна капали ее горячие слезы.

– Прости, – прошептала она наконец. – Прости за то, что этот человек стал твоим отцом. Если бы я только знала!.. Я бежала бы на другой конец света – только бы избежать этого брака! Но пойми, мне было всего шестнадцать. Он вел дела с моим отцом, а я... я была слишком

наивна, не понимала, что он за человек. Если бы можно было повернуть время вспять и все изменить, я бы выбрала тебе совсем другого отца!

Теперь Торн вдвойне ощущал свою вину – еще и из-за того, что явился к матери и расстроил, сложив свои грехи у ее ног. Но куда еще ему было идти?

– Отец хочет превратить нас в таких же, как он сам, – прошептал Торн. Тьма окружала его со всех сторон – и таким же беспросветным, как мрак в этой спальне, было его отчаяние. – Что же мне делать?

Руки матери – маленькие, слабые, всегда готовые задрожать – обхватили его лицо и с неожиданной силой повернули к себе. Он ощущал на лице ее теплое дыхание, и казалось, что, несмотря на непроглядную тьму, мать каким-то образом его видела.

– Не будь его сыном, не будь Маккензи, – проговорила она шепотом, но с такой страстью, какой он никогда еще не слышал от своей матери. – Хеймиш – его сын. Лиам – его сын и наследник. Но ты, сердце мое, – ты мой. Прости, что не могу защитить тебя от него, но помни об этом, всегда помни! Ты – граф Торн. Хозяин замка Инверторн. Мой прекрасный, умный, добрый мальчик. Обещай мне, что всегда останешься добрым! Что никогда не прикоснешься к женщине иначе, чем с лаской и любовью. Никогда не станешь упиваться жестокостью. Что пойдешь по жизни своим путем – прочь от этого замка, и клана, и всего трижды проклятого наследия твоего отца!

– Клянусь, – ответил Торн и тут же ощутил, как эта клятва затвердевает в груди и холодным камнем ложится на сердце. – Я не его сын. Я – не Маккензи.

Мать снова прижала его к себе и омыла его грехи слезами. Быть может, плакать в объятиях матери не по-мужски, но сегодня Торн не хотел быть мужчиной. Сегодняшняя ночь стала утешением для них обоих – утешением за все ночи, когда Торн пытался защитить мать от отца, но тот отбрасывал его, словно котенка. И теперь они с матерью стали равными – соединенными одной ношей, одной болью. И одним именем.

Да, ему необязательно быть сыном Хеймиша Маккензи.

В прежние времена имя и наследство у кельтов передавалось по материнской линии. И сейчас ему не нужно имя Маккензи, чтобы найти свое место в жизни. Он станет прародителем собственного рода. Хозяином собственной земли. Властителем своего собственного наследия.

И он женится на той, которую полюбит. И будет беречь и защищать своих детей. С ним они будут в безопасности. Никогда не узнают ни страха, ни ненависти, ни сокрушающего душу стыда.

Они будут гордиться своим именем. Его именем...

Должно быть, Торн задремал в объятиях матери, из сна же его вырвал грохот, подобный грому.

– Прячься! – вскричала мать сквозь рыдания. – Он ломает дверь!

– Элинор! – Одна из дубовых досок двери затрещала под мощным сапогом лэрда. – Смеешь запираяться от меня в моем собственном доме?! Напомнить тебе, чем это кончилось в прошлый раз?

О боги, он напился! Это было слышно по голосу.

– Прячься, скорее! – взмолилась мать, инстинктивно прикрывая сына своим телом.

– Нет! – заявил Торн.

Ростом он не превышал свою миниатюрную мать, однако поклялся, что больше не станет прятаться. Он будет защищать мать как мужчина, если понадобится – ценою собственной жизни.

Первое, что он увидел, когда лэрд вышиб наконец дверь и ворвался в комнату, был кнут.

Торн знал: даже если доживет до ста лет – никогда не забыть ему, как выглядел отец этой ночью.

Он не был разъярен – о нет! Не был в гневе. Все эти слова к нему не подходили. Казалось, он даже не запыхался, ломая дверь. А черные глаза его горели жестоким торжеством. Он походил на варвара, грабившего захваченную деревню, – варвара, пьяного от грабежа и насилия, упивавшегося кровью и собственной жестокостью.

– Чтoб вас oбoиx!.. – взревел отец и нетвердым шагом направился к ним. Тусклый свет из распахнутой двери освещал его мощную фигуру. – Знаешь, что я думаю? – проговорил он, схватив Торна за плечо так крепко, что тот, кажется, услышал хруст костей. – Слишком уж ты мелкий и смазливый, чтобы быть моим сыном! Будь ты девчонкой, я бы еще поверил. Но ведь мои сыновья, как на подбор, brave парни, крупные и чернявые, как я. Один ты какой-то лягушонок! Натянуть на тебя платье – так все решат, что ты баба!

– Хеймиш, прошу тебя!.. – взмолилась мать. – Оставь его в покое. Разумеется, он твой сын!

– А может, ты, Элино́р, любовничка себе завела, а?

Торн слышал улыбку в голосе отца. Лэрд знал, какой ужас вызовет его вопрос – и наслаждался этим.

– Ни за что! – с рыданием воскликнула мать. – Никогда я не посмела бы нарушить брачные обеты!

– Вот в это верю! – фыркнул отец. – На такое у тебя ни духу не хватит, ни хитрости. Но из этой хнычущей девчонки я сделаю мужчину!

И Хеймиш пустил в дело кнут. Он бил, и бил, и бил – и удары ложились со сверхъестественной точностью, хотя в комнате царил тьма.

Торн знал, что кричать нельзя, однако не мог сдержаться. Кнут скоро промок от его крови, на спине зияли раны, и каждый следующий удар превращался в адскую пытку. Торн уже не понимал, кто кричит так пронзительно и душераздирающе – он или мать, он знал лишь одно: это должно прекратиться... прекратиться... прекратиться...

И тут что-то темное, почти сверхъестественное охватило его и придало сил. Торн вывернулся из железной хватки отца, перехватил кнут и вырвал его из отцовской руки. Ярость и инстинкт направили его руку, и он нанес ответный удар, впервые в жизни испытав жестокую радость, когда понял, что кнут испарывает кожу отца.

Но радоваться победе ему довелось всего несколько мгновений. А затем отец вдруг обхватил сына поперек живота – и выбросил в окно второго этажа.

Падение длилось недолго – Торн даже не успел испугаться смерти. Едва он начал понимать, что может умереть, как падение на мерзлую землю прекратилось. Плечо, до самой шеи, охватил огонь, и все звуки исчезли – исчезло все, кроме холода и невыносимой боли.

Но почти тут же тишину разорвали отчаянные крики матери, и эти крики поразили Торна, словно удар ножа в сердце.

Торн попытался подняться, но плечо откликнулось ужасной болью, так что он едва не потерял сознание.

Рука! Он не может шевельнуть рукой!

Крепко сжав зубы, он схватился здоровой рукой за поросль мха на стене и, цепляясь за нее, приподнялся на колени. Дышать по-прежнему получалось через раз.

Сверху донесся какой-то треск, а затем – пронзительный визг, внезапно оборвавшийся.

– Мама? – выдохнул Торн.

Молчание.

– Мама, мама, ответь!

– Да ты никак жив? – В окне второго этажа показалась голова отца. – Смотри-ка, щенок оказался крепче, чем я думал. Только не порти впечатление – не вздумай реветь по матери!

– Что ты с ней сделал?! – выкрикнул Торн.

– Заткнул ей рот, – пьяным голосом ответил лэрд. – Ничего страшного, просто толкнул. Извини, не заметил, что там стоял сундук. Но не я же ударил ее об этот сундук головой!

– Я убью тебя! – выкрикнул Торн, мысленно проклиная свой ломающийся мальчишеский голос. – Убью, слышишь? Если она мертва, клянусь Христом и всеми старыми богами, ты тоже покойник!

Лэрд расхохотался в ответ. Хохотал громко и долго, от души. И Торну казалось, что этот смех выдавливал по капле то, что осталось от его сердца.

– Вот это вряд ли! Нет, ты не убийца! – И отец снова покатился со смеху – эта мысль безмерно его развеселила. – Так вот, пока не научишься убивать, в этом замке больше не появляйся! В следующий раз, когда мы встретимся, лучше тебе, трусишка, быть готовым бросить мне вызов!

Наверное, целый полк англичан не смог бы устроить замку Рейвенкрофт такую осаду, какую предпринял Торн той ночью. Словно бешеный зверь бился и рвался он в каждую запертую дверь. Тяжелым камнем разбил окно на первом этаже, испарапался в колючем терновнике – лишь для того, чтобы обнаружить, что не сможет влезть в окно, помогая себе лишь одной рукой.

Торн так и не узнал, что привело Каллума тем утром под стены замка. Не узнал, сколько часов бродил под стенами, выкрикивая бессвязные проклятия, прежде чем верный друг обнаружил его, бесчувственного и полузамерзшего, на холодной земле под окном материнской спальни. Он смутно помнил, как далеко на востоке, над горами Кинросс, занимался серебряный рассвет. Помнил, как не мог шевельнуться от холода, как сорвал голос, но продолжал кричать. И это кричала его душа.

И Торн помнил свою клятву. Перед тем как лишиться чувств, он поклялся, что вернется сюда, когда научится убивать.

Этой ночью Торн видел свою мать не в последний раз. Но в последний раз она видела его.

Глава первая

*Гэйрлох, Уэстер-Росс, Шотландия, осень 1880 года
Двадцать лет спустя*

– Так это правда? Граф Торн заключил сделку с дьяволом? – Зычный голос со странным шотландско-ирландским выговором вонзился в ночную мглу, как шпора вонзается в бок коня.

Стоя на Саннда-Мхор, широком песчаном берегу, спускавшемся к заливу Страт, Гэвин Сент-Джеймс узнал обманчиво легкие шаги мужчины за спиной еще до того, как тот подал голос.

– Такое со мной не в первый раз, – откликнулся он, оборачиваясь и сжимая в знак приветствия крепкое плечо Каллума Монахана. – И наверняка не в последний. Нечистый являлся мне во множестве облиций, так что вряд ли ему удастся чем-то меня удивить.

Даже в неверном свете костра смугловатая обожженная солнцем кожа Каллума странно контрастировала с глазами – золотисто-карими, сияющими почти неземным светом. Глаза у него были точь-в-точь как у сокола, что сидел сейчас на его левой руке с накрытой колпачком головой.

– Мы с тобой через многое прошли, и все же ты не похож на человека, которого преследуют демоны, – заметил Каллум.

– Внешность обманчива... – Гэвин пожал плечами, сверкнув своей знаменитой белозубой улыбкой.

Каллум знал: демоны Гэвина темнее черных вод между островом Лонга и берегами Саннда-Мхор. У него не осталось на свете никого, кроме сводных братьев, причем один из братьев был повешен за государственную измену, второй стал королем преступного мира, а третий – печально известный лэрд Маккензи, тот самый, которого все называли Демоном-горцем.

– На этот раз, если нас поймают, быть тебе повешенным на стене Рейвенкрофта, – предрек Каллум, всматриваясь вместе с Гэвином в безлунную ночь в поисках прибывающего судна.

Местные прозвали Каллума Мак-Тайром, на старом языке это означало «Сын Земли» или же – «Повелитель Зверей».

Гэвин думал о своем брате Лиаме, нынешнем хозяине Рейвенкрофта. От отца Лиам унаследовал не только титул, но и буйный нрав, а также склонность к жестокости.

– Рано или поздно один из нас убьет другого. Такова судьба всех мужчин Маккензи. – Иронически хмыкнув, Гэвин наклонился, чтобы подбросить полено в костер. «Любопытно, – думал он, – что почувствует Демон-горец, увидев, как еще один его брат болтается в петле?» – Но так далеко на север Рейвенкрофт не заходит. Может, он и лэрд Маккензи, однако эта территория – замок Инверторн, деревня Гэйрлох и берега залива Страт – моя земля. И ему это прекрасно известно.

– И здесь так удобно прятать контрабанду! – Золотистые глаза Каллума сверкнули лукавыми огоньками.

– Вот именно, – согласился Гэвин.

В тишине ночи вдруг послышался плеск – легко узнаваемый плеск весел, возвещавший о прибытии баркаса.

– Заговори о дьяволе... – Каллум шагнул во тьму, к самой кромке прилива. Легкий ветерок развеивал на нем темный плащ и килт, превращая их в тени, и сам Каллум сейчас более походил на призрака, чем на человека. – Вот и он, Грач.

– Ума не приложу, как он собирается причаливать к каменистому берегу в полной темноте, – пробормотал Гэвин. – Любой другой на его месте хотя бы фонарь зажег!

Каллум бросил на него загадочный взгляд.

– И на земле, и на море – свои демоны. – Мак-Тайр что-то шепнул своему соколу, тот сорвался с его руки и, сделав несколько кругов над головой хозяина, исчез во мраке. – На мой взгляд, Саннда-Мхор вполне безопасен, но если вдруг появятся чужаки, то Мананнан Маклир даст нам знать.

Гэвин кивнул и, подойдя к старому другу, стал с ним рядом. Прилив мягко коснулся его сапог, слизывая с них песок. Гэвин зажег фонарь, который принес с собой, и подал знак приближающемуся судну.

– И вот чего еще не могу понять... Что за дела у отшельника, живущего в пещере и спящего с овцами, с самым знаменитым пиратом со времен сэра Фрэнсиса Дрейка?

– Не в пещере, а в пастушьей хижине, – с легкой обидой возразил Каллум. – И уверяю тебя, Ангус и Фергус спят снаружи!

Гэвин не сводил с друга вопросительного взгляда, и тот, немного помолчав, продолжал:

– С Грачом я познакомился в Танжере. Помог ему доставить в подарок местному вождю нескольких экзотических диких зверей, а он в благодарность... помог мне вернуть кое-что. Кое-что украденное.

– Повезло мне, что у тебя такие разнообразные и полезные знакомства, – пробормотал Гэвин.

– А мне повезло, что ты – не твой брат! – рассмеялся Каллум, толкнув приятеля в плечо.

Тут Каллум извлек из-под плаща флягу, отвинтил крышку и воскликнул:

– За Гэвина Сент-Джеймса, графа Торна! За блудного сына и черную овцу клана Маккензи!

Он протянул флягу Гэвину, и тот сделал большой глоток, с удовольствием разгоняя холод ирландским виски, любимым напитком Каллума, как нельзя лучше согревающим в такую погоду. Мысленно возблагодарив богов, что это – не скотч из Рейвенкрофта (этим напитком он был сыт до конца своих дней), Гэвин проговорил:

– Мне кажется, быть черной овцой в моем семействе – значит быть хорошим человеком.

– Очень надеюсь, что хороших людей здесь нет, – ворвался в их беседу чей-то голос.

Это был голос образованного человека с безупречным английским произношением, глубокий и звучный, но тьмы в том голосе было больше, чем в окружавшей их безлунной ночи. Пришелец стоял на носу темной громады баркаса, причалившего к песчаному берегу.

– Не беспокойтесь, законопослушных людей вы здесь не встретите, – откликнулся Гэвин.

– Приятно слышать.

Мужчина в длинном темном плаще прыгнул на берег, и тотчас же еще несколько человек последовали за ним. С помощью Гэвина и Каллума они вытащили тяжело груженный баркас на сухой песок. Затем перешли к костру, чтобы спокойно поговорить.

Сын человека, прославившегося своей жестокостью, Гэвин с ранних лет развил в себе наблюдательность и умение читать людей. Обычно новый для него человек становился ему понятен за несколько секунд. Гэвин, например, мог сказать, вооружен ли он, опасен ли, чего-то боится или же, напротив, совершенно беззаботен. Кроме того, он понимал, как следовало говорить с этим человеком, как с ним общаться...

И вот сейчас, оказавшись в этой компании, он всецело сосредоточился на Граче.

Было в этом человеке что-то такое, от чего рука Гэвина инстинктивно тянулась к кинжалу. И дело не в росте, не в ширине плеч – силой и статью Гэвин ему не уступал. И не в шрамах на лице, даже не в исходившем от незнакомца ощущении опасности.

Дело в глазах. В непроницаемом взгляде черных глаз.

Они не походили на глаза дикого зверя, как, например, глаза Каллума. Не было в них и безразличия, притворного равнодушия – как в глазах самого Гэвина. Не было ни алчности, ни злобы, ни настороженности, ни беспокойства. И дьявольского огонька тоже не было – ничего демонического. Но то, что видел Гэвин в глазах пирата, заставило его всерьез задуматься о

том, стоило ли заключать сделку с этим человеком. С человеком, глаза которого совершенно ничего не выражали.

Глаза у Грача были мертвые. Как у акулы.

А может, ничего удивительного? Он ведь и есть морской хищник. Неуловимый и безжалостный негодяй, известный убийственной точностью своего удара. Военные флоты всех стран изощрялись в попытках его поймать – и вот он здесь, смотрит своим пустым совершенно ничего не выражающим взглядом...

«Что ж, – думал Гэвин, – теперь я знаю, кто ты такой. Знаю, чего от тебя ждать. А ты меня не знаешь».

Настоящего Гэвина Сент-Джеймса – его страхов, слабостей, мыслей – не видел никто и никогда.

И множества желаний, жгущих его изнутри, никто не знает – и не узнает.

Пустой, немигающий взгляд Грача немного смутил Гэвина, однако он не отвел глаза, так как понимал: этот диалог взглядов куда важнее, значительнее, чем несколько пустых слов, сказанных друг другу.

«Может быть, ты хозяин в море, – говорил взглядом Гэвин, – но здесь земля – моя земля. И ты здесь гость. А самый крупный хищник здесь – я».

Долгие мгновения они мерялись взглядами, словно древние титаны перед битвой на Олимпе. Наконец Грач сказал:

– Граф Торн, не так ли?

– Верно, – кивнул Гэвин. – Добро пожаловать в Гэйрлох.

– Для варварского вождя вы очень недурны собой.

– Хотел бы я вернуть комплимент, – усмехнулся Гэвин.

Стоявший рядом Каллум выразительно кашлянул, но Гэвин знал, что беспокоиться не о чем. Грач явно не тщеславен и не примет его слова ни за выпад, ни за оскорбление. Простое «*quid pro quo*» – язык, на котором люди такого рода общаются между собой.

Впрочем, несмотря на изуродованное лицо, пират не был безобразен. Сеть шрамов, уходящих под воротник, искажала правую сторону его лица, но не скрывала чеканных, резких, почти аристократических черт. И волосы, и глаза у Грача были цвета беззвездной ночи.

Пожалуй, было в нем что-то от Маккензи.

Гэвин был красив, Каллум привлекал необычной внешностью. Грача же не назовешь ни красивым, ни привлекательным, но нельзя было отвести глаза – он словно притягивал к себе взгляд. И шрамы не портили его – лишь подчеркивали суть этого человека, холодную и безжалостную суть Ужаса Морей.

Тут губы Грача дернулись в подобии усмешки, и он проговорил:

– Не так уж часто знатные господа сами выходят встречать меня во время моих ночных эскапад. Обычно присылают слугу, чтобы забрать свои тридцать сребреников.

– Я отвечаю за все, что происходит на моей земле. Кроме того, я хочу убедиться, что груз – не люди. В торговле рабами участвовать не стану.

Грач отдернул тяжелый полог, и перед глазами Гэвина предстали составленные пирамидой ящики без надписей и маркировок. Ящики были невелики – человек, даже ребенок, в них бы не поместился.

Вполне удовлетворенный Гэвин кивнул.

– Вот сюда их.

Ящики оказались не легкими, и Гэвина приятно удивило то обстоятельство, что Грач перетаскивал их на повозки наравне с матросами, не делая себе поблажек. Мрачное молчание безлунной ночи окутывало их словно плащом, когда они двинулись по старой дороге вдоль прибрежных утесов в Инверторн, где затащили ящики в тайные пещеры.

Когда с делом было покончено, Гэвин предложил доставить Грача и его людей обратно на берег, но тот отклонил предложение. Затем поманил одного из своих матросов, и тот, шагнув вперед, вручил туго набитый кошель Каллуму, а второй, побольше, Гэвину. То была плата за хранение груза.

– В пиратстве я новичок и не знал, что вы до сих пор, как в прошлом веке, ведете расчеты в дублонах и пиастрах, – заметил Гэвин, взвешивая на ладони кошель, в котором звенели монеты.

Насмешливый взгляд его встретился с бесстрастным взглядом Грача, и тот проговорил:

– В руках у вас – золотые монеты, происхождение которых определить невозможно. На них не может претендовать ни одно государство, ни один торговый дом. Нельзя даже проследить их связь со мной. И о курсе обмена тоже можете не беспокоиться.

– В таком случае иметь с вами дело – одно удовольствие, – заметил Гэвин.

– Я вернусь через год в это же время и заберу свой груз, – сказал Грач.

Каллум повернулся к Гэвину.

– Что будешь делать со своей долей?

Тут сверху, с небес, донесся пронзительный крик, а в следующий миг Мананнан Маклир камнем пал вниз и занял свое место у Каллума на руке.

– Здесь кто-то есть! – воскликнул Каллум, выхватывая из-под плаща пистолет.

И действительно, в близлежащей рощице, среди ясеней и вязов, Гэвину почудилось какое-то движение.

За спиной у него тотчас же щелкнули семь раз курки – семь человек изготовились к обороне, и на это им потребовалось секундой дольше, чем Гэвину. «Надеюсь, они не пристрелят меня в темноте, приняв за врага», – подумал он.

– Кто там?! Выходи! – крикнул граф.

Его приказ был исполнен немедленно: из рощицы, шумно продираясь сквозь кусты, вышла длинношерстная шотландская корова.

Послышалось хмыканье и смешки, мужчины один за другим опускали пистолеты.

– Вот тебе и ответ, – улыбнулся Гэвин, взглянув на приятеля. – Вот на что я истрочу свою долю.

– Займешься скотоводством?! – фыркнул Каллум. – Скажи мне, что ты шутишь!

– Вовсе нет. Свою долю в винокурне Рейвенкрофта я продам брату и куплю вместе со скотом заброшенное поместье Эррадейл. Куплю у дочери покойной миссис Росс, той, что живет в Америке.

– Значит, купишь землю и скот у Элисон Росс? – Даже в темноте было заметно, что друг Гэвина серьезно озадачен. – Да ведь это – одно из самых крупных земельных приобретений в Горной Шотландии за последние несколько веков!

– Вот именно, – кивнул граф.

– Но... но Маккензи никогда не занимались скотоводством!

Гэвин молчал, крепко сжав в руке кошель с золотом. Заметив, что Грач и его люди уже растворились в ночи, он наконец ответил:

– Верно, Маккензи не занимались.

Только он – не Маккензи. И не только потому, что носит фамилию Сент-Джеймс и живет на собственные доходы. Не только потому, что подал короне прошение об эмансипации, так что теперь его земля не имела никакого отношения к владениям лэрда Маккензи из Уэстер-Росса.

Просто он – не Маккензи, вот и все. И он избавится от связей с этим кланом раз и навсегда. Множество желаний жгло его изнутри, но не было сильнее этого.

Глава вторая

*Тихоокеанская Железная Дорога, территория Вайоминг
Осень 1880 года*

Саманта Мастерс нажала на курок и всадила пулю между красивых карих глаз своего мужа.

– Беннет, – прошептала его имя. А потом отчаянно закричала: – Беннет!!!

Когда же муж рухнул на пол, она бросилась не к нему, а к женщине, которую он едва не убил.

Они познакомились лишь несколько часов назад, и все же Саманта вцепилась в Элисон Росс как в самую драгоценную родную душу. Обе упали на колени и, обнявшись, зарыдали от пережитого ужаса... и невероятного облегчения.

Господи, что это было?! Что произошло?

Каких-нибудь четверть часа назад Саманта и Элисон были друг для дружки не более чем случайными знакомыми, попутчицами в поезде, несущем их на восток по неприветливым серым равнинам территории Вайоминг.

А кто они теперь? Подруги? Враги? Сестры?

– Прости, прости, прости! – вырывалось вместе с рыданиями из груди Саманты. Сама она не смогла бы сказать, у кого просит прощения. У Элисон? У Беннета? У тех, кого, быть может, убили в других вагонах?

А может, у Бога?

Кем была она еще этим утром? Рассерженной женой привлекательного и опасного человека, а также – второстепенной (и не особо довольной своим занятием) участницей банды Мастерсов.

Днем – случайной приятельницей Элисон Росс, с которой делилась детскими воспоминаниями. У них обнаружилось много общего: обе выросли на уединенных скотоводческих фермах.

А сейчас – после того, что совершила... после того, что совершили они все... Ох, скорее всего, в самом ближайшем будущем ей светит тюрьма, а затем виселица.

Это ограбление ничем не должно было отличаться от предыдущих. Все члены банды сели в поезд как обычные пассажиры. Чтобы избежать слежки или подозрений, Бойд и Беннет Мастерсы ехали в разных вагонах.

Саманту обычно сажали в самый пустой вагон, как правило, первого класса, где безопаснее. А затем по сигналу кого-то из мужчин все выхватывали оружие и сгоняли пассажиров поезда в один вагон.

Делалось это для безопасности не только братьев Мастерс, но и самих пассажиров. Банда никогда не грабила людей. Наличные, драгоценности, личные вещи интереса для них не представляли. Но по Тихоокеанской Железной Дороге путешествовали через бескрайний американский континент не только люди. Чего только не перевозили в грузовых вагонах этих поездов! В том числе... и федеральные средства.

Даже в нынешние времена, когда, казалось бы, все золото в США приходило с калифорнийских золотых приисков, деньги по-прежнему печатались и чеканились на Востоке. А это означало, что абсолютно все, от заработных фондов крупных компаний до государственных облигаций, от наличных до драгоценных металлов, приходилось везти через весь континент по железной дороге.

Братья Мастерсы, люди смелые и изобретательные, однажды сказали себе: «Если государство не дает нам землю, а банки не предоставляют ссуды... Что ж – возьмем сами!»

Это ограбление должно было стать пятым – и последним. Что же пошло не так?

До сих пор все было чисто. Обычных людей не грабили и не причиняли им вреда. Они, как говорится, отделялись легким испугом. Братья Мастерсы бежали с несколькими чемоданами долларов, которых правительству ничего не стоило напечатать заново, и с «испуганной заложницей», роль которой играла Саманта. А на следующее утро в газетах выходил об этом захватывающий репортаж.

Сигналом к началу ограбления – как для них самих, так и для пассажиров, – служил выстрел в потолок; вслед за ним раздавался приказ сдать оружие и перейти в другой вагон, а также обещание, что никого не тронут и все очень быстро закончится. Задача Саманты состояла в том, чтобы вести себя как обычная пассажирка, а при необходимости – убеждать других подчиниться. Если другие пассажиры упрямылись, ее «захватывали в заложницы».

– Люди – просто бараны, – любил говорить Бойд. – Хорошенькая козочка вроде тебя запросто заведет их на бойню!

И Саманте такая работа нравилась – пожалуй, больше любой другой.

Холодным октябрем, когда уже чувствуется дыхание зимы, но до Рождества еще далеко, американцы редко отправляются в путь, поэтому вагон Саманты был почти пуст, с ней ехали лишь двое попутчиков. Элисон Росс – хорошенькая и дружелюбная богатая наследница из Сан-Франциско, и хорошо одетый бизнесмен, который сразу развернул газету и в разговорах участия не принимал.

Поначалу веселая болтовня Элисон раздражала Саманту – трудно сосредоточиться на разговоре, когда кровь кипит от предвкушения и тревоги. Однако Саманта рассудила, что не отвечать будет подозрительно, а через несколько минут всерьез увлеклась разговором.

Элисон ей понравилась. Что ж, неудивительно, если почти не общаешься с ровесницами! К тому же девушка и вправду была очень милой.

Быть может, они могли бы подружиться – где-нибудь в другой жизни...

И если бы Саманта не грабила поезда...

...Если бы за первым выстрелом не последовали другие...

Если бы Беннет не появился в дверях вагона в рубашке, забрызганной кровью.

«Господи боже! Что у них там происходит?!» – ужасалась Саманта.

Сквозь оглушительное биение сердца она едва слышала, как Беннет говорил что-то о федеральных маршалах. О том, что кто-то получил пулю в плечо. А Бойд? Что с ним?

И вдруг – выстрел.

И вот уже Саманта сквозь туман слез смотрит на хорошо одетого бизнесмена: он лежит на полу, мертвые глаза уставились в потолок, а на груди расплывается кровавое пятно.

Беннет его убил. Без предупреждения, без единого слова. А потом схватил Элисон и приставил пистолет к ее виску. Потому что понял...

В ту секунду, когда лицо Саманты при виде крови у него на рубашке искажилось ужасом и недоверием, он понял: она с ним не пойдет. Быть женой грабителя она соглашалась, но никогда, никогда не станет любить убийцу.

– Идем со мной, Сэм, – приказал он. – Идем. Мы вместе уедем в Орегон.

Саманта знала: он лжет.

Об этом они спорили прошлой ночью, когда Беннет сказал ей, что Бойд хочет ехать на юг, в Техас или Нью-Мексико, а не в Орегон, как они планировали. На юге, в новых нефтяных городах, деньги едва не валяются под ногами. Там можно быстро сколотить состояние.

Тогда они крупно поссорились. Саманта кричала, что не такую жизнь он ей обещал. Он говорил, они займутся торговлей лесом, а жить будут на берегу океана. Что он построит ей дом на утесе и будет заниматься с ней любовью под серенады штормов. Они едва успели сбежать от однообразной и тоскливой жизни на ранчо в пустыне – и Саманта не хотела возвращаться туда, в мир блеклых красок и духоты, под безжалостное южное солнце. Она мечтала о холмах,

лесах, зеленых долинах. Хотела жить там, где можно кутаться в шаль и слушать, как воет ветер и дождь стучит в окно.

Прошлой ночью она была резка с Беннетом, а Беннет был с ней жесток, но лишь на несколько минут, а потом снова стал самим собой, обаятельным и красноречивым. Как всегда перед опасной работой, ему хотелось любви. И они занялись любовью, но Саманта не могла расслабиться – ей не давал покоя их неоконченный спор и тревога о будущем.

А потом настало время вставать, одеваться и идти на дело.

«Мы еще об этом поговорим, – сказал Беннет. – Обещаю, все будет так, как ты хочешь».

Беда в том, что Саманта утратила веру в обещания Беннета Мастерса. Кажется, она начала признавать то, о чем так долго страшилась и думать. Беннет никогда не пойдет против братьев, а братья его – люди суровые и непреклонные. Раз Бойд сказал, что вся семья поедет на юг, чтобы сколачивать состояние в воняющих нефтью городах среди пустыни, – значит, так и будет.

Однажды, когда Саманта о чем-то поспорила с Бойдом, он открыл ей семейный секрет: мол, его братишка, может, и любит жену, но еще он боится старшего брата, а страх всегда сильнее любви.

– Если захочу тебя отыметь, просто скажу ему, и он сам тебя ко мне пришлет! – добавил Бойд, и с этими словами схватил ее между ног и больно сжал. – Лучше тебе об этом помнить!

Это произошло пять месяцев назад, но Саманта не забыла. Потому что в тот же вечер рассказала об этом Беннету.

И – как и предсказывал Бойд – Беннет промолчал.

А теперь, когда Беннет приставил пистолет к голове беспомощной женщины и приказал ей, Саманте, открыть дверь вагона, она взглянула в глаза человека, за которым четыре года была замужем.

И увидела незнакомца.

– Отпусти ее, – сказала она ровным голосом. – Отпусти, и мы спокойно уйдем.

Она открыла дверь. Задача Брэдли Мастерса, третьего брата, состояла в том, чтобы ждать их с лошадьми на объезде Маккрири – тут поезд замедлял ход. Увидев его, Саманта помахала ему, и он, подстегнув коня, поскакал вровень с поездом. Сейчас они спокойно уйдут, и она выяснит, что, черт возьми, произошло – так лучше принимать поспешные решения...

– Она нас видела, – возразил Беннет.

– Нас и раньше видели, – бросила она через плечо, уже направляясь к двери.

– Сейчас все иначе, Сэм. Сейчас нельзя оставлять свидетелей. Ей придется уми...

В этот миг Саманта выхватила свой однозарядный «кольт» и всадила пулю ему между глаз. Беннет уже нажимал на курок своего «смит-вессона», но «кольт» стрелял быстрее.

И только сейчас, рыдая в обнимку с незнакомкой, Саманта поняла, что натворила.

Она только что убила человека.

Не просто человека. Своего мужа.

– Спасибо! – с чувством прошептала ей на ухо Элисон. – Спасибо! Я знаю, это твой мужчина, но... я не готова была умирать!

Отстранившись от Элисон, Саманта заметила у нее на виске серый след. След пороха. «Беннет оказался убийцей, – напомнила она себе. – Несколько минут назад застрелил ни в чем не повинного человека. Спокойно, без колебаний. А может, ему и прежде случалось убивать?..»

Более того, он был готов так же спокойно и хладнокровно расправиться с Элисон Росс, очаровательной хрупкой девушкой, никому не сделавшей зла.

За этим человеком она четыре года была замужем.

И, похоже, совсем его не знала.

Раздался выстрел, и над головой у нее треснула деревянная панель – пуля вонзилась в стену. Элисон пронзительно закричала, зажав уши ладонями.

Брэдли!

Обернувшись, Саманта увидела, что он по-прежнему скакал вровень с вагоном. Он все видел! К счастью, Брэдли был неважным стрелком. А лучше всех стрелял Бойд.

Саманте смутно помнилось: вроде бы Беннет говорил, что Бойд ранен. Если повезет, его рана окажется смертельной.

Брэдли прищипорил жеребца. Он приближался к поезду. Если ему удастся запрыгнуть в вагон, думала Саманта, он бросится на нее – и выживет в этой схватке только один.

Она схватила с пола револьвер, но Элисон отстранила ее руку.

– Я знаю, как спасти тебя от петли, – быстро проговорила она. Голубые глаза ее, еще залитые слезами, смотрели ясно и твердо. – Но нам придется... избавиться от тела.

Сердце Саманты болезненно сжалось. Однако вместе с Элисон она наклонилась, и они перекатали безжизненное тело Беннета к дверям.

– Сэм, ты покойница! – заорал Брэдли.

Стрелять из револьвера сидя в седле он не мог и потянулся за винтовкой.

А времени на раздумья не было. Оставалось лишь действовать.

Женщины вытолкнули Беннета в дверной проем – и тело покатилося по железным ступеням. Жуткий звук, с которым оно ударилось о землю, едва не убил Саманту, но в тот миг, когда Брэдли уже вскинул винтовку, Элисон захлопнула дверь.

Снаружи прогремел выстрел. Саманта замерла, ожидая следующего.

Элисон подобрала свои пышные юбки и, присев на скамью, осторожно выглянула в окно.

– Остановился! – с облегчением выдохнула она. – Слез с коня и смотри на твоего... на тело.

Только сейчас Саманту начала бить дрожь – страшная дрожь, от которой сотрясались все кости. Нестерпимый холод охватил ее, и она рухнула на соседнюю скамью, не в силах держаться на ногах.

Элисон Росс же села напротив нее. И Сэм взглянула на свою попутчицу с удивлением. Хорошенькое личико сердечком... Кудри цвета красного дерева... Полные губы, подкрашенные алой помадой... И еще – зеленая шляпка и сверкающие изумрудные серьги. И эта девушка собиралась ей помочь? Но как? Что тут можно сделать?

– Он называл тебя Сэм, – полушепотом, но быстро и твердо заговорила Элисон. – Это твое имя?

– С-с-саманта, – стуча зубами пробормотала она. – Его б-б-братья... Они нас убьют! Лучше – на виселицу!

– Ты говорила, что выросла на ранчо. Это правда?

Саманта кивнула, спрашивая себя, сможет ли когда-нибудь снова нормально дышать и говорить. А перед глазами возникло лицо Беннета – очень красивое, с аккуратной круглой дырочкой меж бровей.

– Стреляешь ты хорошо, это я видела. А ездить верхом умеешь? А управляться со скотом, вести счета?

Саманта машинально кивала, не понимая, к чему все эти вопросы.

– П-почему ты мне помогаешь? Мой муж едва... едва тебя не... – Договорить она не смогла, это было слишком страшно.

И тут Элисон, несмотря на весь ужас их положения, вдруг улыбнулась.

– У меня дома, в той варварской стране, откуда я родом, нет долга выше, чем долг за спасение жизни. И нет закона выше, чем *tha an lagh comraich*.

– *Comraich*? – в недоумении заморгав, переспросила Саманта. Она не понимала, о чем говорила эта молодая, явно благополучная женщина. Или Элисон от страха сошла с ума, или...

– Это слово означает «убежище», – пояснила Элисон. – Теперь ясно?

Саманта помотала головой. Она по-прежнему ничего не понимала. И что за «варварская страна»? Ведь эта женщина совсем не похожа на эмигрантку. Выглядит вполне по-американски, говорит без акцента... Кажется, говорила, что в Сан-Франциско у нее остался жених и что ее родители – богатые скотоводы. А сейчас едет на Восток, чтобы уладить какой-то спор из-за земли...

– Я не знаю, что у тебя в прошлом, не знаю, как ты до такого дошла – но кажется, я знаю, как тебе помочь, – продолжала Элисон.

Саманта молча смотрела на нее. «Потерянная» – вот слово, которое лучше всего сейчас к ней подходило. Абсолютно потерянная. Не знала, куда ей идти, где ее место в мире и кто она вообще такая.

Взгляд Элисон потеплел.

– Скажи мне, Саманта, ты когда-нибудь бывала в Шотландии?

Глава третья

*Уэстер-Росс, Горная Шотландия
Ноябрь 1880 года*

Соглашаясь на это путешествие, Саманта боялась многого. Но только не того, что так скоро после смерти мужа окажется в объятиях другого мужчины!

«А похоже, бояться стоило», – думала она, чувствуя, как мужские руки, жесткие словно наручники, в попытке избежать которых она проделала путь через океан, прижимают ее к несокрушимо, как скала, телу.

Да, вот этого следовало опасаться больше всего на свете! Предательской реакции собственного тела на близость сильного и опасного мужчины.

Она полагала, что готова к любым трудностям, к любой западне. Однако в суматохе последних недель ни разу не задумалась о том, в какую ловушку могут превратиться... модные женские сапожки! Эти каблуки – какое-то дьявольское изобретение! Или, быть может, наказание божье для дочерей мятежной Евы.

Так или иначе, если бы Элисон не заявила, что на станции Страткаррон в шотландской глубинке нужно появиться «прилично одетой», Саманта не споткнулась бы на ровном месте из-за какого-то оборванца, выхватившего у нее сумочку и бросившегося наутек.

Разумеется, бежать за вором ей помешали каблуки, а вовсе не то, что она палилась на могучего кельтского варвара, неизвестно что делавшего на станции в этот ранний час.

Черт возьми, она ведь и на платформу ступить не успела! Едва поезд, пыхтя и дыша паром, остановился, как мальчишка-оборванец, возникнув словно из ниоткуда, вырвал у нее сумку! Саманта попыталась побежать за ним, но каблуки вкупе с неудобными железными ступеньками сыграли с ней злую шутку: не удержавшись на ногах, она с громким визгом полетела вниз... и оказалась прямо в объятиях вышеупомянутого могучего варвара.

Варвара... одетого как джентльмен.

Хотя нет. Ничего джентльменского в нем точно не было. Никакой мягкости и сговорчивости, наоборот, от этого человека исходила вполне ощутимая аура силы.

– Спокойно, милая, я вас держу.

Несмотря на свое положение, от непривычного шотландского обращения «милая» – и особенно от того, как этот человек его произнес, – Саманта вдруг почувствовала... как внутри у нее что-то тает. Его звучный баритон ласкал слух, как шелк ласкает обнаженную кожу.

Рванувшись в его объятиях, Саманта сумела чуть-чуть отстраниться и взглянуть ему в лицо.

Она ошиблась. Он вовсе не варвар. Хотя, конечно, и не джентльмен. Как пить дать – кельтский бог.

Почти все мужчины поклоняются деньгам и оружию, и он, должно быть, знал толк и в том, и в другом. Сюртук же у него на плечах, широких, словно скалистые горы, стоил, наверное, целое состояние. Больше, чем она когда-либо...

– Моя сумка! – закричала Саманта.

Вспомнив об утраченных деньгах, она вновь забилась в объятиях незнакомца, не понимая, почему он ее еще не отпустил. В изящной сумочке цвета красного вина хранилось все ее богатство. Не только деньги, но еще и бесценные документы.

Документы на новое имя.

– Не кипятитесь, милочка. Сумку вам скоро вернут.

Саманта уже раскрыла рот, собираясь усомниться в этом, но тут вдруг увидела глаза незнакомца – и онемела. Никогда в жизни не видела она такой сочной изумрудной зелени!

Ни дрожащая листва чахлых тополей в Неваде, где прошло ее детство, ни весна под палящим солнцем, быстро превращавшим зелень травы в золото, – ничто не подготовило ее к такому буйству зеленого цвета.

Едва ли даже холмы Шотландии – ее новой родины – могли бы сравниться по цвету с этими глазами.

Саманта смотрела на незнакомца как зачарованная. Как такое возможно? Разве бывают у живых людей вместо глаз – сверкающие изумруды?

Но не только рост и ширина плеч выделяли его из толпы (хотя после многолюдного лондонского вокзала Чаринг-Кросс эту скудную человеческую россыпь едва ли стоило называть «толпой»). Он выделялся своим *величием*. Саманта пыталась найти иное слово, попроще, но не смогла.

Величественный. Великолепный. Это все о нем.

Модный сюртук – воплощение изящества, но вот широкие плечи, которые он обтягивал, «изящными» никак не назовешь!

Вспоминая, как за счет Элисон Росс торопливо шила себе гардероб, Саманта подумала: «Интересно, ахал и охал ли портной над шириной этих плеч точно так же, как чикагская портниха ахала над моим высоким ростом?»

Саманта выросла среди крупных и сильных мужчин, закаленных тяжелой работой. И она привыкла ценить мужскую силу. За такого, черт возьми, и вышла замуж!

Но этот шотландец был не просто сильным. То есть был сильным не только физически. Таких, как он, она еще не встречала.

– Спасибо! – выдохнула Саманта, затем кашлянула, пытаясь изгнать из голоса презренный девичий трепет.

– Американка? – поинтересовался он, чуть приподняв бровь.

Почему-то Саманте показалось, что о ее происхождении он догадался еще до того, как она раскрыла рот.

Она кивнула и тут же сказала:

– Меня уже можно поставить на землю.

Но шотландец лишь еще крепче сжал ее талию, и в его изумрудных глазах блеснули лукавые огоньки.

– Думаю, не стоит. Весите вы не больше новорожденной пичужки и, по-моему, так же твердо стоите на ногах. Если я еще немного вас подержу, будет безопаснее.

«Вот уж нет!» – мысленно воскликнула Саманта. Все инстинкты кричали ей, что каждая секунда, проведенная в кольце этих сильных рук, опаснее предыдущей. И черт бы побрал этот его голос! С таким голосом даже полный урод и кретин соблазнит женщину за пять минут!

Тут Саманта вдруг вспомнила, что револьверы тоже остались в сумке. И тотчас же что-то подсказало ей, что стрелять на новом месте еще придется... Быть может – именно в этого типа. Что ж, она очень постарается не попортить его личико.

– Немедленно поставьте меня на землю, – сказала она. – Иначе, богом клянусь, так закричу, что в Лондоне услышат!

– Милая, в этой части света Лондон вас не защитит.

Стараясь унять лихорадочную дрожь – то ли тревоги, то ли возбуждения, – Саманта быстро осмотрелась. Несколько путешественников остановились и смотрели на них с любопытством, однако никто не спешил предложить ей помощь.

Черт, даже взглядом никто не выражал неодобрения этому грубияну! Впрочем, немного успокаивало то обстоятельство, что люди, смотревшие на них, по-видимому, не видели в ее положении ничего опасного.

Смерив незнакомца свирепым взглядом, Саманта уже открыла рот, собираясь издать пронзительный крик, – но тут он аккуратно поставил ее на платформу и проговорил:

– Признаюсь, мне не раз случалось становиться причиной женских криков, но исключительно криков радости и удовольствия.

Саманта поморщилась. Черт бы его побрал! От этой бесстыдной реплики внизу ее живота словно что-то взорвалось, и она забыла все те едкие и совершенно справедливые слова, которые приготовилась высказать в его адрес.

На долгий, долгий миг он задержал ее в объятиях, потом наконец отпустил. И Саманта мгновенно ощутила, что уже скучает по этим широким ладоням на своей затянутой в корсет талии. И еще казалось, что красивый незнакомец оставил на ней отпечатки, которые не скоро сотрутся...

Поспешно выбросив из головы эту мысль, Саманта подобрала юбки и быстро отошла на несколько шагов – подальше от него.

Однако расстояние создавало новую проблему. Теперь она видела незнакомца во весь рост – в полном великолепии. И от этой картины снова лишилась дара речи.

Саманта крепко зажмурилась, она отчаянно пыталась найти объяснение этому внезапному и неоправданному влечению. Нет в этом человеке ничего особенного! Просто она голодна, устала после долгой дороги, страшно измучена своими тревогами...

И совсем одна.

Она проехала на поезде через все Соединенные Штаты, а в Филадельфии села на паром. В плавании страдала от горя и от морской болезни. Почти все время плакала. А от роскошных деликатесов, которые полагались ей как Элисон Росс, богатой шотландской наследнице и пассажирке первого класса, ее выворачивало наизнанку.

При ней был чемодан с платьями и шелковая сумочка цвета красного вина, а в сумочке – новые документы и все необходимые бумаги.

В прежней жизни Саманте казалось глупым носить с собой дамскую сумочку. Но теперь в этом лоскуте шелка заключалась вся ее жизнь.

Вот только сумки больше нет...

Хотела бы она погрозить кулаком серым небесам и спросить, какие еще сюрпризы они ей приготовили, но понимала, что лучше не искушать судьбу.

Мало того что пропали документы! Саманта понятия не имела, чем и как подтвердить, что она – Элисон Росс.

Элисон обещала все подробно сообщить ей в письме и заверила, что постарается как можно быстрее прислать почтой еще кое-какие документы. После недолгого разговора в зале том кровью поезде Саманта знала лишь несколько имен и названий.

Эррадейл – семейное наследство. Земля и старый дом. И еще – Гэвин Сент-Джеймс, граф Торн, человек, который мечтал завладеть Эррадейлом.

Много раз он пытался купить у Элисон поместье. Делал самые заманчивые предложения. Она не отвечала. Наконец вместо очередного письма прислал постановление британского суда: поскольку ни Маккензи, ни Россы в течение многих лет в Эррадейле не живут, суд открывает дело по признанию поместья выморочным. И теперь, чтобы не потерять свое наследство, Элисон должна лично взять на себя управление поместьем на определенный период времени и привести его в порядок. Для этого она, отложив свадьбу с богатым женихом из Сан-Франциско, ехала сейчас на Восток.

– Я скорее съем свою шляпку, чем вернусь в Шотландию! – добавила наследница. – С детства там не была. После смерти отца мама вышла замуж за американца, мистера Делмонта, железнодорожного магната, и почти все детство я провела с ними в Америке. Денег у нас было столько, что об Эррадейле мама и не вспоминала. Как и я, она не хотела туда возвращаться – слишком много тягостных воспоминаний. К несчастью, два года назад она скончалась, и теперь вся ответственность на мне.

– Но если тебе это ранчо не нужно, то почему же ты не возьмешь за него деньги? – спросила Саманта. От тех сумм, что предлагал за землю граф Торн, у нее захватывало дух.

– Любому другому человеку я бы с удовольствием продала, – ответила Элисон. – Но я дала отцу клятву: пока Эррадейл-Росс в моих руках, им не завладеет никто из родичей лэрда Маккензи из Уэстер-Росса! Видишь ли, старый лэрд Хеймиш Маккензи убил моего отца.

– Понимаю... – кивнула Саманта. Да, такую клятву она могла понять.

А поезд тем временем уже приближался к Шейенну. Здесь должно было начаться расследование того, что позже назовут «Бойней Мастерсов». Но пока о случившемся никто не знал, и у Саманты было несколько часов в запасе. Элисон сунула ей в руки свои документы и деньги и велела сесть на дилижанс, идущий в Денвер, а там пересесть на другой поезд на Восток.

– Никто в Уэстер-Россе не отличит меня от любой другой американки, – сказала Элисон. – Даже если – что весьма маловероятно – в Эррадейле найдется человек, видевший меня десять лет назад. Да и что они вспомнят? Тихую тринадцатилетнюю девочку с темными волосами и голубыми глазами. Мы с тобой примерно одного возраста и внешне похожи. Похожи и по цвету волос, и по цвету глаз. Так что все пройдет гладко.

Саманта в этом очень сомневалась. Но что ей оставалось? Она, скорее всего, уже известна как участница банды Мастерсов, и теперь ее будут искать по всей Америке. Причем не только федеральные маршалы, но и – что намного хуже – Брэдли и Бойд.

На нескольких предыдущих ограблениях братья Мастерсы нажили целое состояние, и денег им хватит, чтобы разослать сыщиков во все концы света. А у нее, Саманты, – ни денег, ни родных, ни перспектив. И идти некуда.

Вот почему этим промозглым и туманным вечером она стояла на полустанке в горах Шотландии, в изумлении глядя в мерцающие зеленые глаза уже упомянутого красавца.

Саманта заметила его сквозь заиндевевшее окно, как только поезд въехал на станцию. На голову выше всех остальных, он мерил платформу широкими шагами. А рядом с ним были еще двое хорошо одетых мужчин, один тощий, в ярко-оранжевом шейном платке, другой – полный, круглолицый, с добрыми глазами и круглыми очками на красном носу.

Тут румяный молодой лакей подбежал к шотландцу и... протянул ему ее сумочку!

– Вовремя поймали воришку, сэр.

– Спасибо, Кевин! – Шотландец заговорщически подмигнул лакею.

– Это не ваше! – отрезала Саманта, потянувшись к сумке.

– Что такое, милая? – Он с улыбкой повернулся к ней. – Считаете, такой цвет мне не подходит? – И он, как бы невзначай, убрал руку с сумкой подальше от Саманты.

Господи, как же ей надоели обаятельные красавчики с их шуточками! Она ужасно устала. Но если бы сейчас не валилась с ног, то, как пить дать, вцепилась бы шутнику в глотку.

– Дайте сюда! – потребовала она.

– «Дайте сюда...» – протянул он и сделал выразительную паузу.

– Пожалуйста, – пробормотала она, не понимая, как ее угораздило ввязаться в этот идиотский диалог.

– С радостью! – И снова ее ослепила его белозубая улыбка.

Когда же незнакомец протянул ей сумочку, руки их соприкоснулись. И Саманте вдруг почудилось, что она вот-вот лишится чувств.

Кружевные перчатки оказались слишком тонкой защитой от тепла его сильных рук. Саманта хотела отдернуть руку, но тяжесть сумки, о которой она уже успела забыть, вынудила ее на миг задержать руку в его ладони.

Незнакомец вдруг шумно выдохнул, и Саманта подняла на него взгляд. А он смотрел на нее, чуть приподняв черную бровь, смотрел все с теми же насмешливыми искорками в глазах. И вроде бы ничего не изменилось, но... Изменилось все.

Внезапно веки его опустились, наполовину скрыв зелень глаз. Ноздри же раздувались от учащенного дыхания, а чувственные губы крепко сжались.

Тут Саманта наконец отдернула руку. Она была почти уверена, что незнакомец ей этого не позволит, однако он не стал задерживать ее руку в своей.

– Вижу, милая, вы путешествуете одна, – пробормотал он вполголоса.

Саманта прижала к себе сумочку и постаралась изобразить безразличие.

– Да, разумеется. – Она зевнула, прикрыв рот рукой в перчатке. Изображать зевков не пришлось – после многих дней пути Саманта действительно валилась с ног от усталости.

Тощий мужчина, стоявший рядом, в изумлении ахнул, и Саманта тут же вспомнила, что они с надменным горцем стояли на платформе не одни.

– Хотите сказать, вы проделали такой путь... без сопровождения? – пробормотал тощий.

– Именно это я и хочу сказать, – ответила Саманта, стараясь скрыть за дружелюбной улыбкой растущее беспокойство. Кто эти люди в конце концов, и что им от нее нужно? – Джентльмены, спасибо за то, что помогли мне вернуть багаж. А теперь мне пора...

Остро чувствуя, что не умеет ходить на каблучках, Саманта попыталась развернуться, но в тот же миг мужчины, также развернувшись, преградили ей путь.

– Что вам... чем могу вам помочь? – вежливо поинтересовалась девушка, однако чувствуя при этом, что вот-вот взорвется.

Тощий нервным жестом переложил портфель из одной руки в другую.

– Как же так вышло? Неужели вы не смогли нанять себе... э-э... компаньонку для путешествия?

Да это просто смешно! Какого черта они ее допрашивают? Может, в этой дикой местности считается, что женщине неприлично выходить из дома одной?

– Зачем? Мне хватает собственной компании, – осторожно ответила Саманта, глядя на стоявших перед ней троих мужчин с нарастающим беспокойством.

Ответил ей мистер Великолепный – так она уже мысленно называла рослого красавца. Ответил молча – прямым пристальным взглядом. И в тот же миг Саманта почувствовала, что взгляд его зеленых глаз пробудил в ней страстное и неудержимое влечение к этому мужчине. По спине ее пробежали мурашки, и она мысленно воскликнула: «Саманта, осторожно!» Должно быть, что-то подобное испытывает олень в лесной чаще, почувствовав взгляд хищника.

– Я одна, но не безоружна. – Девушка похлопала по сумочке, в которой лежали ее драгоценные «кольты». – А теперь, если вы меня извините... Мне нужно найти извозчика.

– К чему же, *бонни*? – протянул красавец своим певучим баритоном.

«Бонни»? Что это значит? Какое-то шотландское имя? Саманта не поняла и ответила:

– Я не Бонни. Меня зовут Элисон. Элисон Росс.

Мужчины с усмешками переглянулись, затем ее «спаситель» снова заговорил:

– Вам нет нужды... искать извозчика, милая. Я избавлю вас от этой проблемы.

– О, так вы приехали, чтобы отвезти меня в поместье?! – воскликнула Саманта, удивившись своим подозрениям.

Правда, этот горец совсем не походил на кучера. В Америке она нигде не видела, чтобы кучера так дорого одевались. Быть может, дела в Эррадейле шли не так плохо, как полагала Элисон Росс?

Сунув руку в сумочку, Саманта на ощупь выудила оттуда несколько мелких монет не очень понятного ей достоинства. Достаточно ли в Шотландии такого вознаграждения?

– Я собиралась второпях и взяла с собой только два чемодана... – пробормотала она, пытаясь улыбнуться.

Тут красавец взял ее под локоть, и Саманта замерла. Черт возьми, опять он ее трогает! И опять она теряет голову от его прикосновения. С этим надо что-то делать!

И у него такие сильные руки, такие мощные плечи... Саманта с трудом подавила нелепое желание опереться на его руку всем своим весом, полностью положившись на эту силу.

– Мисс Росс, а ведь мы с вами не представились друг другу, как полагается.

– Да... в самом деле.

«Здесь к этикету относятся серьезнее, чем в Америке», – вспомнила Саманта. Интересно, сколько раз она, сама того не зная, нарушила местные приличия? Обычно такие мелочи ее не волновали, но под пристальным взглядом зеленоглазого незнакомца, странным образом сочетавшего в себе черты варвара и аристократа, она ужасно смутилась, и мысли ее понеслись вскачь табуном испуганных лошадей.

Да что с ней такое творится?! Ведь всего несколько недель назад она потеряла мужа!

Между прочим, сама его убила.

Господи, она точно попадет в ад!

– Элисон Росс. – Саманта протянула руку для рукопожатия. – Рада познакомиться с вами, мистер...

И снова ее рука утонула в его ладони. Он слегка потянул ее на себя, усмехаясь так, словно знал что-то такое, чего не знала она.

Ох, этот мужчина определенно знал, какое впечатление производил на женщин. Особенно на нее.

И это просто бесило!

– Когда я предложил избавить вас от проблемы, то имел в виду, что нет никакой необходимости в этот холодный вечер тащиться в Эррадейл. Видите ли, мисс Росс, не сомневаюсь, что вы приехали сюда из-за отправленных мною документов. Я ведь не кто иной, как Гэвин Сент-Джеймс, граф Торн. И я собираюсь получить Эррадейл из ваших прелестных ручек. – С этими словами он попытался прикоснуться губами к руке Саманты, обтянутой перчаткой, но девушка вовремя отдернула руку.

«Так это и есть Гэвин Сент-Джеймс? – ужаснулась она. – Противник Элисон... Нет, не противник – враг».

Саманта не знала, что ответить – слишком многое навалилось на нее в последнее время. Горе, тревога, страх, усталость после долгой дороги и морской болезни... Да еще и – чего скрывать? – то воздействие, что оказывал на нее граф Торн. Элисон Росс не рассказывала, как он выглядит, и Саманта не ожидала, что он окажется таким... таким...

Снова ей не хватило слов. И, черт побери, безумно хотелось вернуть руку графу, чтобы ощутить на обтянутых кружевом костяшках пальцев его поцелуй.

– Если пожелаете, милая, могу отвезти вас к себе в замок Инверторн. Там мы покончим с нашим делом легко и быстро, в течение каких-нибудь нескольких дней... – Взгляд его скользнул по ее фигуре, облаченной в дорожное платье цвета красного вина. – И ночей.

– Ясно, – отрезала Саманта, скрестив руки над бешено бьющимся сердцем. Значит, она была права, когда почуяла опасность. – Благодарю за ваше предложение, однако в нем нет никакого смысла. В документах сказано: чтобы сохранить за собой Эррадейл, я должна там поселиться. Значит, в Эррадейле я и буду проводить дни... и ночи. – Она повернулась к стоявшей неподалеку группе носильщиков, молясь о том, чтобы не подвернуть ногу на высоченных каблуках.

Но широкоплечий граф снова преградил ей путь.

– А может, вы еще не знаете о моих щедрых предложениях? – Зубы его вновь сверкнули в улыбке. «Слишком уж у него много зубов», – промелькнуло у Саманты. – В своем последнем письме я предлагаю за землю почти вдвое больше, чем она стоит.

– Я все ваши письма получила, – ответила Саманта.

Граф ждал продолжения, но продолжения не было. И он, нахмурившись, спросил:

– Вы же не хотите сказать, что отклоняете мое предложение?

- Не хотелось бы выражаться резко, но я действительно не собираюсь его принимать.
- Но ваша семья уже много лет не интересовалась Эррадейлом! Почему же сейчас...
- А почему бы и нет? – перебила Саманта.

Она пожала плечами и направилась к носильщикам, подобрав свои пышные юбки и сосредоточив все внимание на неровных досках платформы, что-то ей подсказывало: во второй раз граф Торн ловить ее на лету не станет.

Он, видимо, был ошеломлен ее ответом, так как прождал целых пять секунд, прежде чем снова преградить ей путь. Двое его спутников по-прежнему находились с ним рядом.

– А этих людей вы притащили с собой, чтобы меня запугать и принудить к повиновению? – поинтересовалась Саманта, очень стараясь, чтобы в голосе ее звучало только раздражение. Не тревога и не страх. – Должно быть, вы никогда не бывали в Рено!

Граф в очередной раз приподнял бровь.

– Ничего не знаю о Рено.

– А я знаю. Так что запугать меня вам вряд ли удастся.

Однако на всякий случай она сунула руку в сумку. Приятная тяжесть револьвера немного ее успокоила.

Граф шагнул к ней – и Саманта мгновенно забыла о правиле, которое усвоила еще много лет назад. «Ни пяди не уступай врагу!» – гласило оно. Увы она уступила – сделала несколько шагов назад, чтобы сохранить расстояние между ними. Чтобы избежать его близости. Его прикосновений. И его дурманящего запаха, напоминавшего о глинистой почве и горных лесах.

– Этих людей я привез с собой, чтобы с вами расплатиться, *бонни*. – Граф широким театральным жестом указал сперва на одного своего спутника, потом на другого. – Это мой поверенный, мистер Рой Маккензи. – Круглолицый добряк покраснел и поклонился. – А это – мой банкир Джон Дуглас.

Тощий только фыркнул.

Саманта фыркнула в ответ и проговорила:

– Очень жаль, джентльмены, что вам пришлось проделать долгий путь напрасно.

Она повернулась, собираясь уйти, но граф Торн снова схватил ее за локоть.

– Если бы я хотел вас напугать, милая, вы сейчас дрожали бы от страха! – прошипел он, но тут же отпустил ее, причем на лице его было такое выражение, словно он сам себе удивлялся. – Я сделаю все возможное, чтобы уговорить вас продать землю. Вам придется убедиться, мисс Росс, что я все довожу до конца. – Теперь его глаза горели уже не угрозой, скорее обещанием чувственных наслаждений.

– Очень мило с вашей стороны, – ответила Саманта, блеснув фальшивой улыбкой. Пусть этот парень красив, как сам дьявол, будь она проклята, если поддастся его чарам!

Она-то знала, чего стоило такое очарование. И это знание досталось ей слишком дорогой ценой.

– Кстати, мистер Сент-Джеймс...

– Правильно обращаться ко мне «лорд Торн».

«Торн, – мрачно подумала она. – Это означает «шип». Как ему подходит!»

– Как скажете. Так вот...

– Не я так говорю. Так говорит наша королева.

– Ваша, но не моя! – фыркнула Саманта.

Спутники графа дружно ахнули, и даже сам лорд Торн выпустил ее локоть, явно удивленный такой дерзостью.

– Дорогая моя мисс Росс! – Поверенный сделал шаг вперед и продолжал приятным тенором, хотя говорил несколько в нос. – Так вот, мисс Росс, я знаю, что большую часть жизни вы прожили в Америке, а эта страна... гм... печально известна своим... э-э... неуважением к традициям. – Он украдкой взглянул на проходивших мимо пассажиров и заговорил тише: –

Однако умоляю вас помнить: пока вы находитесь в пределах нашей империи, королева Виктория – действительно ваша королева. Вы обязаны подчиняться ей, парламенту и назначенным ими должностным лицам. Вы – подданная короны, а декларация неповиновения со стороны подданного короны даже в наше время считается государственной изменой.

Саманта тяжело вздохнула. О черт! Всего две минуты, как сошла с поезда, и уже совершила государственное преступление!

А кто виноват? Разумеется, лорд Торн, он же Шип, он же Заноза-в-заднице!

До сих пор Саманта как-то не задумывалась о том, что переехала в другую страну. Совсем другую. Без демократии. Без «Билля о правах». А об этом определенно не стоило забывать.

– Ясно. – Она небрежно пожала плечами, не желая объясняться или извиняться за свое поведение. – Я слышала еще, что вы здесь, в Англии, чрезвычайно гордитесь своими обычаями, традициями и особенно – соблюдением джентльменского кодекса поведения.

– Совершенно верно, мисс Росс, – дружелюбно кивнул поверенный.

– Так, может быть, удобнее, приличнее... и более сообразно с привычками джентльменов обсудить дела в вашей конторе или у меня дома? Вместо того чтобы устраивать мне засаду на станции.

Поверенный и банкир в смущении переглянулись, а лорд Торн снова одарил ее чарующей, но довольно-таки зловещей улыбкой.

– *Бонни*, мы ведь в Шотландии. Люди здесь – настоящие варвары... почти как американцы, чтобы вам было понятнее. – Торн невольно усмехнулся. Кажется, впервые за сегодняшний день он сказал правду.

– Что ж, тогда давайте начистоту, – заявила Саманта. – Еще мы, американцы, известны тем, что за свое держимся и без боя не отдаем!

– Не только свое – вы любители и чужое забирать силой, – пробормотал шотландец.

– Если мы начнем считать грехи наших держав... О, боюсь, счет будет не в вашу пользу.

Лицо графа осталось бесстрастным. Однако Саманта заметила, как сжались его челюсти, не укрылось от нее и едва заметное подергивание жилки у него на виске.

Такое же выражение лица бывало у ее мужа, когда дело шло к ссоре. «Но на сей раз, – вдруг с облегчением поняла Саманта, – мне не нужно ходить вокруг да около, боясь его задеть». И не придется разбираться с последствиями. Гэвин Сент-Джеймс – не ее мужчина, его недовольство – не ее проблема!

– Поместье Эррадейл – мое, – отчеканила она. – И я намерена сохранить его за собой.

– И что будете с ним делать? – насмешливо спросил Торн. – Вы сами увидите: хозяйство Эррадейла в полном запустении, рабочих рук не хватает. Скот бродит по окрестным полям и лугам, как ему вздумается, практически без пастухов. Уже почти десять лет поместье не приносит дохода. И почти двадцать лет ваша семья о нем не вспоминала. Так что, милая, все-таки ответьте мне: почему сейчас, после стольких лет, вы о нем вспомнили?

Собрав волю в кулак, Саманта шагнула к собеседнику. Подошла чуть ли не вплотную к его мощной фигуре... и полыхающим зеленою глазам.

– Видите ли, Гэвин Сент-Джеймс, лорд Торн, как бы вы себя ни называли, я знаю, что вы – Маккензи. Ваш отец убил моего. И скорее я увижу вас в аду, чем кто-нибудь из вашей семейки получит то, что по праву принадлежит мне!

Резко развернувшись, Саманта зашагала прочь, остро сознавая, как нелепо выглядела на своих высоченных неустойчивых каблуках.

Граф что-то прорычал ей вслед.

– Я не Маккензи! – послышалось ей.

«А я не дура», – мысленно ответила она. И оборачиваться не стала.

Глава четвертая

Что ж, если Элисон Росс намерена стать на его пути – он, Гэвин, сделает все возможное, чтобы ее опрокинуть! И, пожалуй, придавить своим телом...

Богатый (чертовски богатый!) опыт научил его: когда женщина отрицает вспыхнувшее влечение, когда проявляет к нему неприязнь – так даже интереснее. И тем слаще победа.

Но не в этом случае, черт побери!

Эррадейл нужен ему не ради забавы. Это поместье – не мимолетный каприз, а насущная необходимость.

Вот почему Гэвин не побрезговал организовать небольшой заговор. Хитрость, призванную побудить мисс Росс к немедленному отъезду, он придумал вместе со своим слугой Кевинном за бутылкой бренди. Операция носила весьма красноречивое название: «Сшибем ее с ног!»

План казался идеальным. Избалованная богатая наследница прибывает на крохотный полустанок где-то (как она полагает) на краю цивилизованного мира – в место, куда до сих пор носу не казала, – и ее тут же грабят. Наглый юнец, нанятый за мелкую монету, выхватывает из рук сумку, саквояж... или в чем там она носит свои дамские принадлежности – и при этом толкает ее так, что она падает прямоком в объятия Гэвина.

Бедная перепуганная малышка понимает: шотландские горы слишком пустынно и опасны для одинокой жительницы большого города. И с радостью соглашается на щедрое предложение рыцаря в сверкающих доспехах. Он спасает деву из беды – и получает свою награду.

Увы, идеальный план пошел прахом из-за одной маленькой, но важной детали.

Элисон Росс оказалась вовсе не трепетной девой. И уж точно – не перепуганной!

Гэвин понимал, что придется поторговаться. Тренировал перед зеркалом свои самые обаятельные улыбки. Прикидывал: возможно, не обойдется и без постели – ведь можно и соблазнить ее, не так ли? Но предположить, что такая чума в женском обличье свалится ему в руки... О, он никак не мог.

Чума по имени Элисон Росс. Со сверкающими глазами. Легкая, как перышко, но свирепая, как ураган.

Едва Гэвин обхватил ее за талию – его тело отреагировало совершенно не так, как планировалось. Он больше ни о чем не мог думать. Только о том, что не хочет ее отпускать.

Секундочку! Он же собирался ее соблазнить, холодно и расчетливо, а вовсе не... Почему же, во имя всех чертовых шотландских святых, от запаха ее волос у него подогнулись колени?

Потому что до умопомрачения хотел ее?..

Да нет, конечно. Эррадейл! Он хотел любой ценой заполучить Эррадейл, только и всего.

В одном из своих путешествий на Восток Гэвин познакомился с монахом, от которого услышал, что корень всех страданий – в наших желаниях.

Тогда он над этим только посмеялся.

Но теперь, когда дерзкая американская девчонка раздражила его своим упорством, он готов был признать: в этом что-то есть...

После первой встречи на станции Страткаррон – встречи, прошедшей совершенно не так, как хотелось бы, – всего две минуты понадобилось Гэвину, чтобы изобрести новый хитроумный план. План, который наконец приведет упрямую соседку к повиновению.

Пункт первый: выждать два дня.

Эти два дня растянулись в вечность. Разумеется, не потому, что он мечтал снова ее увидеть – совсем не поэтому!

«Мисс Росс, хрупкая, но энергичная, должна уже изрядно проголодаться», – рассуждал Гэвин, седлая Деметрия и неторопливой рысью направляя коня вдоль пологого берега

Альт-Бангорм, реки, отделявшей земли Инверторна от Эррадейла. Название переводилось как «Голубая река» – такому имени она была обязана необычного цвета камням, лежавшим на дне, под струящимся прозрачным потоком.

В какой-то момент Гэвин вдруг заметил, что любит речным дном, мимо которого раньше проезжал равнодушно. А что же изменилось? Возможно, дело в том, что голубые камни на дне чем-то напоминали ее глаза... Тот же цвет, та же твердость и ясность... во взгляде.

Гэвин невольно улыбнулся, подумав о том, что сейчас, вступив во владение своим наследством, храбрая худенькая американка уже наверняка растеряла большую часть своей самоуверенности.

Он бы зуб мудрости отдал за то, чтобы посмотреть на ее лицо, когда она поняла, во что ввязалась!

Поместье Эррадейл – это, в сущности, всего лишь одно-этажный сильно обветшавший домик в окружении нескольких коттеджей для работников и полуразрушенной конюшни. И дома эти, словно раскатившиеся в разные стороны шарики, разбросаны по бескрайнему травяному ковру, весной и летом зеленому, а сейчас – желтовато-коричневому, уже присыпанному изморозью. Помимо высокого Гришем-Пика над зеленой равниной поднимались лишь несколько холмов, а к северу и западу поместье окружали черные утесы, круто обрывающиеся в море. С дальних Гебрид ветер гнал сюда зловещие тучи, чреватые бурями: здесь тучи проливались дождями.

Избалованной американке, выросшей в Сан-Франциско, городе, построенном на золотых приисках и полном шальных денег, эти края покажутся самым жутким местом на свете. А для него, Гэвина, здесь рай. Здесь его дом.

Однако ни мясных, ни рыбных лавок на этом пустынном берегу не встретишь. Разжиться чем-нибудь съестным можно лишь в рыбацкой деревне Руарид, что находилась к югу от Гэйрлоха. А у Элисон нет слуг, которых можно было бы послать за продуктами. Да и камины в Эррадейле давным-давно не топят, потому что дров нигде поблизости не сыщешь.

В Гэйрлохе же она не появлялась – Гэвин бы об этом услышал. И очень сомнительно, что она отправилась за провизией в Руарид. Тамошние жители известны тем, что до сих пор соблюдают древние пиктские обычаи и, среди прочего, решительно отказываются говорить по-английски. Даже Каллум, которого, несмотря на отца-ирландца, все считают местным, редко туда навещается.

Известно, что в одном из коттеджей Эррадейла до сих пор жили двое стариков-работников, Кэлибрид и Локрин. Был еще и Каллум, обычно ночевавший в пещерах Даб-Горм, там, где хрустальная река пробивала себе меж утесов путь к морю.

Кроме этих людей, любивших уединение, на много миль вокруг ни одной живой души не встретишь. А эти трое добывали себе пищу охотой и рыбалкой. Но девице-то из Сан-Франциско такое вряд ли под силу...

Элисон Росс – хрупкое создание, кажется, подуй на нее – ветром унесет. Стоит два дня не поесть – и что от нее останется?.. В самом деле, со времен возвращения из Лондона он не видел таких девушек. Таких... Нет, слово «хрупкая», может быть, и не подходит – она крепче, чем кажется. И все же куда чаще, чем хотелось бы, он ловил себя на размышлениях о том, как умещалась в этом почти невесомом теле такая сила воли.

Невесомое тело, птичьи косточки... Смешно сказать, но казалось, окружность ее плеча – не больше толщины его запястья. Один порыв сурового шотландского бриза – и унесет девушку в океан словно сорванный с ветки листок...

Интересно, а ноги у нее такие же тонкие и изящные, как плечи и лебединая шея? Когда она стояла перед ним, бросая ему в лицо весьма резкие слова, он вдруг понял, что смог бы одной рукой обхватить ее горло.

Он явился встречать ее на станцию, разодетый в пух и прах. И притащил с собой людей, готовых помочь в заключении сделки прямо на месте. Можно сказать, на труды и жертвы пошел ради нее!

Но она не оценила.

Оказалось, что в легком, как перышко, теле скрывалась стальная воля. И еще оказалось, что эта американская крошка – настоящая шотландка в вопросах семейной чести и кровной ненависти. Так что переговоры закончились ничем.

Проклинать своего отца Гэвин давно перестал. Как и ее отец, тот уже много лет лежал в могиле. Кроме того, Гэвин давным-давно усвоил: если позволить ненависти вырваться наружу, она разрушит столь тщательно созданный им блистательный фасад. Нет, это совсем ни к чему! Особенно теперь, когда он так близок к исполнению своей мечты.

Спускаясь в долину Эррадейл, Гэвин мурлыкал себе под нос шекспировскую строку, застрявшую в голове с тех пасмурных зимних дней, когда он прятался от отцовского гнева в библиотеке.

– «При обороне выгоднее думать, что враг сильнее, чем на самом деле...»¹

А при атаке – тем более!

Он недооценил Элисон Росс. На станции она была очень прилично одета, однако он заметил, что платье ее перешито, а не сшито по фигуре. Очень необычной фигуре... Высокой и очень тонкой, но не без женственных округлостей.

Может быть, она не так богата, как он думал?

Надо бы проверить. Если Элисон нуждается в деньгах – это даст ему дополнительное преимущество.

Кроме того, не настолько он был поражен ее твердостью, чтобы не заметить черных кругов усталости вокруг огромных сверкающих глаз. Заметил и бледность кожи под золотистой россыпью веснушек. А в те мгновения, когда она забывала гордо расправлять плечи, они опускались словно под какой-то неподъемной ношей.

Быть может, именно поэтому она оставалась неуязвимой для его чар?

В самом деле, какая еще может быть причина? Все женщины от восьми до восьмидесяти – включая тех, кто давно и счастливо замужем, – так или иначе отдавали должное его наружности. И многие бросали украдкой взгляды из-под ресниц, когда думали, что он не заметит. Иные же откровенно глазели, словно ощупывая взглядом его скульптурные черты и сильное, крепкое тело со знаменитыми мускулами Маккензи. А потом, краснея, прикрывали лица трепещущими веерами.

Но Элисон Росс... Она смотрела только в глаза. Смотрела так, словно видела в нем *человека*, а не просто усладу для глаз или возможного любовника.

Не обманывается ли он? Или за ее хмурой миной и в самом деле промелькнуло... нечто совсем иное?

Когда же эта гордая леди отвернулась от него и, покачиваясь на неустойчивых каблуках, зашагала прочь, Гэвин понял, что нужно сменить тактику.

Выглядела она усталой и измученной – и водворение в Эррадейле несомненно не улучшило ее состояния. Гэвин не зря ее предупреждал: в этом доме не найти ни припасов, ни слуг, ни комфорта, к которому она привыкла на родине.

По словам Каллума, с которым Гэвин разговаривал вчера, за прошедшие два дня новая хозяйка почти не показывала носу из дома и не делала попыток обратиться за помощью.

Должно быть, она в отчаянии – и умирает от голода! Что у нее есть? В лучшем случае – какие-нибудь банки с вареньями и соленьями, какие могли найтись в погребе. Да еще – сомнительные услуги двоих безобидных, но совершенно бесполезных стариков.

¹ У. Шекспир, «Генрих V».

И тут на сцену выходит он, Гэвин! Уже не блистательный граф Торн, величественный и пугающий... Просто Гэвин, очаровательный и любезный сосед, всегда готовый прийти на помощь ближнему... особенно хорошенькой ближней!

На этот раз он отказался и от жилета, и от шейного платка. Оделся сугубо неформально – брюки, сапоги для верховой езды, рубашка с как бы невзначай расстегнутым воротом, скромный дорожный сюртук, а сверху, по случаю отвратительной погоды, длинный плащ.

С собой в качестве посла доброй воли он взял Трикси, очаровательную и бесконечно дружелюбную (пусть порой и назойливую) овчарку, а в качестве даров – корзинку с припасами, на которые умирающая от голода женщина наверняка набросится как волк.

Однако хватит этих припасов лишь на один обед.

– Ах, бедная моя *бонни*! – вздохнет он, когда она, наконец, признается, что не способна позаботиться о себе самостоятельно.

Запах свежеспеченного хлеба и аромат сочных сосисок совершит то, чего, быть может, не сделают хорошие манеры. И она широко распахнет перед ним дверь. Когда же он переступит порог...

О, тут у нее не останется ни единого шанса.

Бедняжка мисс Росс! Пожалуй, ему даже жаль ее. Совсем чуть-чуть.

Как и большинство горцев, Гэвин любил женщин в теле, с мягкими изгибами и приятными округлостями. А эта Элисон Росс – на вид кожа да кости. Хотя не стоит отрицать: ему любопытно, каково это – целоваться с высокой женщиной, к которой не приходится нагибаться, чтобы накрыть ее губы своими.

Если он правильно помнит, губы у нее красивые и пухлые... по крайней мере, когда не сжаты в презрительной гримасе.

На обычных любовниц Гэвина она совсем не походила – и все же весьма, весьма привлекательна... Так что если придется, то он уложит ее в постель. Черт, да все, что угодно, сделает – лишь бы подписала бумаги!

Да-да, он станет для нее кем угодно, кем она пожелает, – спасителем, отцом, братом, другом или, будем надеяться, любовником. И ничто не остановит его на пути к цели.

И так ли важно, как выглядит эта мисс Росс? В свои тридцать шесть Гэвин потерял счет женщинам. С кем он только не ложился в постель! Были среди его возлюбленных и высокие, и тоненькие, и неукротимого нрава. Правда, сочетание всех трех качеств в одной женщине до сих пор ему не встречалось. Пожалуй, именно это сочетание последние ночи наполняло его жаром предвкушения и заставляло подолгу ворочаться в постели.

Что ж, тем лучше! Он очарует ее и удовлетворит свое любопытство, получит то, что хочет, а потом пусть мисс Росс идет своей дорогой.

Подъезжая к Эррадейлу, Гэвин присматривался к оврагам и загонам, которые сам починил минувшим летом в надежде, что скоро все это будет принадлежать ему. Зимы в горах суровые, и скоту нужно пристанище. Инверторн – его земля на юге полуострова – почти весь порос густым лесом, тут и там прореженным зелеными лужайками. Но в Эррадейле леса практически нет, назвать рошу к северу от дома лесом – значит сильно ей польстить. Везде, куда ни кинешь взгляд, – сплошные луга, поросшие высокой травой. Замечательное пастбище!

Гэвин окинул взглядом просторы Эррадейла. Даже сейчас, наедине с самим собой, он старался казаться бесстрастным, не выказывать нетерпения. Ни в коем случае не следовало выдавать свои истинные чувства – эту истину он усвоил еще в глубоком детстве.

В Эррадейле было абсолютно тихо, а над печной трубой в южном крыле дома вился дымок. Должно быть, Кэлибрид и Локрин все же согласились отложить свои трубки и помочь молодой госпоже разжечь камин.

Что ж, тем лучше. День уже клонится к вечеру, а полутемная комната, освещенная лишь игрой огня в камине – идеальная декорация для интимной беседы.

К северу от дома, в рощице, Гэвин заметил какое-то движение. Он пришпорил Деметрия, пустив его рысью, а в следующий миг из рощи на пастбище вылетела дюжина приземистых и лохматых шотландских коров.

Трикси от этого зрелища сразу потеряла голову. Залившись отчаянным лаем, собака бросилась к стаду – мохнатый пестрый клубок. Гэвин попытался ее отозвать, но куда там! Трикси, хоть и давно вышла из щенячьего возраста, так и не научилась подчиняться командам.

Коровы, изумленные и встревоженные неожиданным появлением собаки, повернули обратно к роще. И тут из-под древних дубов послышались окрики и свист. Причем в хоре мужских голосов Гэвин отчетливо расслышал женский.

Что за черт?..

– Эй, шавка! – Снова оно, это звучное сопрано! – Назад! Молчать! Пошла прочь!

Если бы Гэвин и не узнал ее по голосу, американский акцент не позволил бы ему ошибиться.

Элисон Росс?!

Весьма удивленный, Гэвин пришпорил коня. Никогда еще ему не случалось слышать такого громкого и требовательного женского голоса! Разве что в спальне...

Тут две коровы отделились от стада и побежали к утесу над морем.

– Я сказала, заткнись! – Женский голос сделался почти нестерпимо пронзительным. – Последний раз предупреждаю!..

Однако крики и шум, как видно, только завели Трикси – она бросилась в погоню за теми двумя, что отбились от стада, и начала гнать их к морю.

Оглушительно прогремел выстрел.

И тотчас же, отчаянно хлопая крыльями, снялись с деревьев птичьи стаи. Коровы же замерли, потоптались на месте, а затем бросились вперед с удвоенной резвостью, очевидно, решив, что этот непонятный грохот куда опаснее овчарки.

Сердце Гэвина пропустило такт, а в груди похолодело.

Что такое?.. Неужели она только что... выстрелила в его собаку?

Трикси с изумлением взвизгнула, затем развернулась и большими прыжками помчалась обратно к нему.

В этот момент из-за деревьев показался серый конь, на котором восседал костлявый старикан в клетчатом шотландском берете с помпоном. Кэлибрид – Гэвин тотчас его узнал – догнал коров, отбившихся от стада, и погнал их обратно.

А затем из-за вязов появился Локрин, пониже ростом и куда пошире в плечах. Проклиная сквозь зубы всех богов и дьяволов, Гэвин следил, как он догонял Кэлибрида и вместе с ним начал заводить стадо в загон.

«Мой загон! Ведь это мой загон! Я сколотил его собственными руками!» – мысленно восклицал Гэвин.

Подъехав ближе, он обнаружил, что коров было больше, чем показалось ему сначала. Самое меньшее – две дюжины.

«Не может быть! – билась у него в мозгу одна-единственная мысль. – Это просто невозможно! Не могла же она...» Тут из-за деревьев появилась Элисон – и даже эта мысль вылетела у Гэвина из головы.

Верхом на рослом черном жеребце скакала она позади стада и испускала такие пронзительные крики, каких Гэвин никогда не слыхивал. Но коровы, как видно, прекрасно их понимали и бодро двигались в сторону загона.

Гэвин замер с раскрытым ртом. То, что он видел, не укладывалось в голове. Особенно одна деталь: Элисон сидела верхом по-мужски! Да еще – в каких-то невиданных штанах, ярко-голубых... и невероятно облегающих.

При этом зрелище в его собственных штанах сделалось тесно, а соображать стало еще труднее, ибо кровь, стремительно отхлынув от головы, устремилась к совсем иной части тела.

За один миг взгляд охватил и ее лодыжки, и на удивление округлые колени, крепко сжимающие бока лошади, и длинные стройные ноги, и... О боже! Гэвин почувствовал что во рту у него пересохло.

Господь Иисус и двенадцать апостолов! Может, при первой встрече Элисон Росс производила не самое приятное впечатление, но теперь...

Она ехала верхом... по-мужски! И, черт возьми, в седле была просто великолепна!

Никогда в жизни Гэвин не видел такого изящества. Элисон Росс словно срослась с могучим жеребцом – женщина и конь составили одно целое. Низко пригнувшись над темной гривой коня – одного цвета с ее длинной растрепанной косой, – она теперь стрелой мчалась следом за Трикси, бежавшей к нему, своему хозяину.

Так, стоп! Эта девица только что едва не убила его собаку! Не будь Гэвин так очарован – пришел бы в ярость!

Тут Кэлибрид направил свою лошадь в ту же сторону – похоже, только сейчас заметил, что револьверу Элисон не лежит спокойно в кобуре.

Гэвин был не просто удивлен – он глазам своим не верил. Ожидал найти здесь деву в беде, а нашел... нечто совсем другое!

Элисон подъехала к нему почти вплотную. Жеребец под ней перебирал копытами, угрожая надвигаясь грудью на Деметрия. Глаза же девушки сверкали словно молнии над Северным морем.

Кэлибрид, подъехав поближе, поспешно вклинился между Гэвином и Элисон; казалось, он стремился предотвратить схватку.

– Лорд Торн!.. – воскликнул старик. – Как поживаете? Что привело вас в Эррадейл? Должно быть, ищите Каллума? Он там, в лесу. Помогает нам со стельной коровой.

Гэвин с трудом сохранил невозмутимое выражение лица. Во имя короля Иакова, неужто ловкая девица сумела и Каллума рекрутировать себе в работники?!

– Вовсе нет, – ответил граф, дружелюбно улыбнувшись. – Просто заехал навестить новую соседку.

Тем временем из леса выехал Каллум на черном коне. Он гнал перед собой корову, подгоняя ее ударами ивовой ветви.

– Хозяйка нас всех взяла в оборот! – расплывшись в щербатой улыбке, заметил Кэлибрид. – Разбудила ранешенько, накормила супом из той картошки, что растет у нас на грядках, и пообещала полпенни за каждую голову скота, который мы соберем и приведем в загон!

– Вот как?.. – протянул Гэвин, приподняв бровь. И очень надеясь, что в его голосе звучит одобрение, не больше.

Элисон сидела в седле с каменным лицом. Зато ее чувства прекрасно выражал жеребец, гневно бивший копытами.

Ее длинные ресницы, слипшиеся от висевшей в воздухе влаги, обрамляли глаза темными стрелами. Щеки же с россыпью веснушек окрасились румянцем. Плотные сжатые губы чуть подрагивали – может, от холода, а может, от гнева.

Растрепанная коса с выбившимся темными прядями, раскрасневшееся гневное лицо – все это напомнило Гэвину кельтскую царицу Боадицею, стоявшую перед римским полководцем Светонием.

Гэвин смотрел на красавицу – и не знал, что сказать. От вида ее ног – обтянутых штанами, но как бы обнаженных – у него как-то странно защипало в глазах. С быстротой молнии это «щекочущее» ощущение распространилось по всему телу и сосредоточилось в его мужском естестве.

По виску Элисон стекала капелька пота. Неторопливо проделала путь по щеке, по челюсти и исчезла за распахнутым воротом рубахи, заправленной в непостижимо узкие штаны.

Гэвин судорожно сглотнул – рот у него наполнился слюной. Неловко поерзав в седле, он решил наконец, что гораздо безопаснее – и разумнее! – смотреть на пистолет девицы.

А Элисон наконец-то открыла рот – без сомнения, желая сказать что-то грубое и дерзкое. Но Гэвин помнил правило: всегда, когда можешь, оставляй за собой не только последнее слово, но и первое.

– Буду вам очень признателен, мисс Росс, – проговорил он с ослепительной и абсолютно фальшивой улыбкой, – если впредь вы воздержитесь от стрельбы по моей собаке.

Улыбаться так Гэвин научился много лет назад, когда понял, что улыбка может служить оружием. Или разменной монетой. К тому же, когда ты сияешь улыбкой, никто не догадается о твоих истинных чувствах.

Синие глаза Элисон сузились, и она заявила:

– А я буду вам очень признательна, если вы вместе с вашей шавкой отправитесь в задницу!

Эти слова – такая демонстративная грубость – должны были его взбесить, но мысли Гэвина устремились в неожиданную сторону. Ему и прежде приходилось слышать из женских уст грубые словечки, но это всегда случалось в спальне. Однако и теперь, посреди холодных шотландских равнин, подобное слово, произнесенное звонким женским голосом, произвело на него такое же воздействие, что и в постели!

Однако он, изображая изумление, воскликнул:

– Подумать только! А я-то приехал с предложением мира и дружбы, привез дары... Не хотите ли подкрепиться?

– Ни черта мне от вас не нужно! – заявила девица. Исходивший от нее холод сделался чуть ли не арктическим, глаза же превратились в две ледышки. – И имейте в виду: я редко промахиваюсь. Если бы захотела убить собаку – убила бы. Кстати, вам повезло, что мы не в Америке, ведь там за вторжение на чужую землю закон позволяет стрелять в нарушителя без предупреждения.

– У нас тоже так можно, – вставил Кэлибрид, вокруг глаз его расплылись лукавые морщинки.

– Приятно слышать, Кэл! – искренне улыбнувшись, кивнула ему Элисон.

«Кэл?!» Гэвин скорчил гримасу.

Тем временем Элисон оттянула курок и направила дуло пистолета прямо в грудь графа.

– Интересно, у знати и в самом деле голубая кровь? – проговорила она с усмешкой.

Разрываемый на части возбуждением и негодованием, Гэвин попытался изобразить снисходительно-ироническую улыбку.

– Сдаюсь, сдаюсь... – протянул он со смешком. – Мы ведь с вами соседи, и нам в любом случае лучше ладить. Так что выкидываю белый флаг. Отныне я... в полной вашей власти!

При этом точно рассчитанном ударе глаза ее – пусть и всего на краткий миг – ярко блеснули, а взгляд оценивающе скользнул по его крепкому телу.

Так-так!.. Гэвин мысленно поздравил себя. Выходит, Элисон все же не устояла перед его чарами. Отлично!

– Я могу вам пригодиться, – продолжал он. – Мы могли бы вместе согнать ваш скот. – «Мой скот», – добавил он про себя. – А потом можно отдохнуть у камина и выпить чего-нибудь согревающего...

– Вы умеете обращаться со скотом? – Элисон фыркнула.

«На самом деле – не очень, – подумал Гэвин. – Но что тут сложного? Она же справляется!»

– Вы меня научите, *бонни*, и это поможет нам лучше узнать друг друга.

– Называйте меня мисс Росс – или никак! – словно выплюнула она. – И не обманывайте себя. Я знаю о вас, лорд Торн, все, что нужно знать! – слова она произнесла с таким отвращением, как будто говорила о ядовитой змее.

Гэвин невольно поморщился. Что ж, верно... Что касается женщин, то в этом отношении у него сложилась... м-м... определенная репутация. Такая, которая этой девице едва ли по душе. Хотя... Где же она раздобыла такие сведения? Кэлибрид и Локрин не склонны к сплетням, а Каллум скорее отрежет себе язык, чем скажет о нем, Гэвине, хоть одно дурное слово.

– Да неужто? – не удержался он.

– Можете не сомневаться, вы известны – печально известны – как распутник последнего разбора, бабник без чести и совести. Соблазнить чужую жену – это для вас как стакан воды выпить!

«Она определенно не дура», – сказал себе Гэвин. Так что все отрицать – глупо и бесполезно. Вместо этого он решил использовать другую тактику – мол, да, я такой и этим горжусь!

– Ну, кто-то же должен этим заниматься! – заявил он, сверкнув улыбкой. – Ведь не так уж много найдется мужей, готовых соблазнять собственных жен.

На мгновение лицо ее помрачнело. Гэвин мысленно отметил эту любопытную реакцию – и отложил для дальнейшего анализа.

А Элисон тем временем продолжала:

– Младший сын, завидующий старшему брату... И вынужденный работать на старшего брата, чтобы спасти от разрушения свой замок.

И снова Гэвин поморщился – эта стрела вонзилась в опасной близости от цели. Заставив себя улыбнуться, он проговорил:

– Вы забыли добавить, что я погубил множество невинных дев.

– Не думайте, что я не понимаю, зачем вам моя земля, – не обращая внимания на его шутку, сказала Элисон. – Но вы ее не получите. Так что еще раз говорю: убирайтесь отсюда в задницу!

При этих ее словах Каллум с Кэлибридом начали усмехаться и перемигиваться, да и сам Гэвин, чтобы невзначай не улыбнуться, крепко сжал губы.

– И что же вы, милая, еще обо мне знаете? – Он вновь изобразил улыбку.

– Знаю, что вы Маккензи. Ваш род уже много десятилетий точит зубы на владения моего рода.

– А что если я вам скажу, что я – не Маккензи?

– Чушь! – фыркнула Элисон. – Всем известно, кто вы такой!

– Лэрдом Маккензи был мой отец, – сказал Гэвин. – А нынешний лэрд Маккензи – мой брат Лиам. Что же касается меня, то я сейчас нахожусь в процессе эмансипации от клана Маккензи. Надеюсь, если этот термин о чем-то вам говорит.

Элисон взглянула на него с удивлением. И пистолет у нее в руке впервые дрогнул.

– А зачем это вам? – спросила она.

– Причин множество, и лучше я оставлю их при себе. Достаточно сказать, что одна из них – смерть вашего отца.

– О... – На мгновение – всего на мгновение – броня ее враждебности дала трещину.

Гэвин ждал этой минуты слабости – и рванулся в атаку.

– Как видите, мисс Росс, если вы продадите мне Эррадейл, он достанется не врагу, а скорее уж врагу вашего врага, то есть вашему другу, не так ли?

Гэвин тотчас же понял, что совершил ошибку. Понял еще до того, как Элисон снова вскинула револьвер и спустила курок. Прогремел выстрел. Кобыла Кэлибрида взвилась на дыбы, затем шарахнулась в сторону, и старик не сразу сумел ее успокоить.

Гэвин же на мгновение замер, словно громом пораженный. Но боли не было. И крови тоже не было. Он с облегчением вздохнул, сообразив, что Элисон стреляла не в него.

Черт, да она просто сумасшедшая! Чокнутая девица! Да-да, чокнутая и очень опасная! – На этот раз я промахнулась. – Палец ее снова лег на курок. – Но это не повторится. А теперь... Убирайтесь ко всем чертям с моей земли.

Никогда еще Гэвину не приходилось слышать в женском голосе столь очевидную угрозу. – Осторожнее, милая, – проговорил он сквозь зубы, чувствуя, как стучит в висках пульс, как изумление и возбуждение отступают перед яростью. – Я из тех людей, с которыми лучше не враждовать.

– Враги у меня уже бывали, – отвечала она, не опуская револьвер. – И знаете, лорд Торн, чему я у них научилась?

Гэвин невольно сжал кулаки. Какого черта она произносит его титул так, словно это – позорное клеймо?

– Больше всего следует остерегаться тех, кто к тебе всего ближе, – продолжала девушка. – И еще тех, кто набивается тебе в друзья, преследуя свои корыстные цели.

Тут взгляды их встретились. И Элисон не отвела глаза – такие же ясные, как воды озера Лох-Ломонд. И такие же холодные.

Впервые в жизни Гэвин молчал лишь потому, что не смог найти остроумного ответа.

«Девчонка права, – думал он. – Во всем права». Уж ему-то известно, как опасны самые близкие, самые родные люди. Он усвоил это еще в детстве, и уроки были на редкость жестокими. Но кто научил ее? Быть может, тот же, кто вселил в ее взгляд ледяной холод?

Тут Каллум подъехал к ним поближе и явно не без умысла расположился между Гэвином и дулом пистолета. Из-за густой бороды, скрывавшей добрую половину лица, трудно было сказать, улыбался он или хмурился, однако вокруг его золотистых глаз собрались веселые морщинки.

– Знаете, при таких заморозках, как сейчас, копать могилу в горах – то еще удовольствие, – проговорил он с обычным своим напевным ирландским выговором.

– В самом деле, – не сводя глаз с Гэвина, откликнулась Элисон. – Что ж, тогда бросим его в море!

На сей раз Каллум расплылся в широкой улыбке. Гэвин же, прищурившись, посмотрел на старого друга с удивлением.

– В море? Что ж, мысль интересная... – раздумчиво проговорил Каллум. – Но вы кое о чем забываете. Перед вами граф, и его скоро хватятся.

– Неужели? – Элисон изобразила недоверие.

– По крайней мере, хватится его мать. Она живет в замке Инверторн, где служит главным конюхом мой отец, – пояснил Каллум.

Девица наморщила носик.

– Милорд, вы что, до сих пор живете с мамой?

– Не я с ней, а она со мной, – отрезал Гэвин. – В моем замке, – добавил он и тут же подумал: «Какого черта я что-то объясняю этой ненормальной?!» Гэвин не припоминал, чтобы кто-нибудь так его бесил с тех самых пор, как... Словом, после той истории с Лиамом.

– Вы позволите мне сопроводить графа домой, в Инверторн? – любезно поинтересовался Каллум.

На этот раз Гэвин не смог сохранить невозмутимость. Да что, черт возьми, происходит? Какого дьявола Каллум просит у нее разрешения?!

– Я все равно собирался заглянуть к отцу, – пожав плечами, добавил Мак-Тайр.

Элисон кивнула и убрала пистолет в кобуру.

– Еще раз появись на моей земле, Торн, – и родная мать ваш труп не опознает! – Развернувшись, она поскакала прочь, не дав Гэвину собраться с мыслями и найти остроумный ответ.

– Чертова ведьма! – выплюнул он ей вслед, но Элисон уже не слышала его.

Тихо вздохнув, граф развернул коня и поскакал бок о бок с Мак-Тайром, пытаясь придумать новый план. Никогда еще он не встречал женщину, похожую на Элисон Росс!

– Девчонка что надо! – ухмыльнулся его спутник.

– И ты, Каллум? – упрекнул друга Гэвин.

Отшельник пожал плечами.

– Она угостила меня завтраком...

Гэвин бросил на него внимательный взгляд. Каллум отвел глаза – и это не укрылось от Гэвина. Ясно было, что Мак-Тайр о чем-то умалчивал – и это «что-то» прямо связано с несговорчивой Элисон Росс.

– Так или иначе, но Эррадейл будет моим! – прокричал граф Гэвин и пустил Деметрия в галоп.

Мисс Росс несомненно ждала от него сейчас бури и натиска. Значит, именно этого и не будет. Спешить не стоило. Сперва он хорошенько все обдумает. Быть может, жизнь научила очаровательную мисс Росс не доверять ни врагам, ни друзьям, но еще не успела преподать другой, столь же ценный урок.

Не стоит, ох, не стоит злить Гэвина Торна!

Глава пятая

«Дорогая Элисон!

Прилагаю к этому письму документы от твоего поверенного, необходимые тебе для приема в магистрате. Согласно этим документам, тебе нужно жить в Эррадейле постоянно на протяжении не менее одного года. Надеюсь, тебя это устроит. Мне приходилось слышать, что в отсутствие Россов, следивших за порядком, это место слегка обветшало, но думаю, оно все же гостеприимнее того, что ждало бы тебя в Америке. Особенно после того, что здесь называют «Бойней Мастерсов».

Ты много лет не была в Шотландии, так что думаю, стоит напомнить тебе нашу семейную историю, дабы ты могла использовать полученные знания в борьбе с противниками. Шотландские горцы обыкновенно гордятся своими кланами и верны им однако покойный лэрд Хеймиш Маккензи своим нравом и поведением бросил серьезную тень на весь клан Маккензи из Уэстер-Росса. Ты, разумеется, знаешь, что это он убил на дуэли твоего отца. В отличие от американского Запада, в Соединенном Королевстве дуэли уже лет сорок как вне закона, однако шотландцы крепко держатся за старинные традиции.

Гэвин Сент-Джеймс, лорд Торн, – урожденный Гэвин Маккензи. Он сын лэрда Хеймиша Маккензи и его второй жены Элиноর. Графство он получил не по линии Маккензи, а с материнской стороны, от Сент-Джеймсов; его двоюродный дед умер бездетным, и Инверторн перешел через Элинор к ее первенцу мужского пола. Всем известно, что лэрд Маккензи для того и женился на Элинор, чтобы получить в свое распоряжение Инверторн, а затем обратил взгляд на Эррадейл.

В отличие от своего отца, лорд Торн прославился не жестокостью и насилием, а распутством. Рассказывают, что он соблазнил первую жену своего старшего брата, Лиама Маккензи, их связь раскрылась, и бедная женщина покончила с собой. Лорду Торну после этого пришлось уехать из Шотландии. Несколько лет он путешествовал по Англии и по континенту, швыряя деньги направо и налево и предаваясь развлечениям, которым позавидовал бы и Калигула. Хотя после этой истории они с лэрдом Маккензи, известным также как маркиз Рейвенкрофт, терпеть друг друга не могут, лорд Торн по-прежнему делит с братом винокурню Рейвенкрофт: половину ее он получил в наследство после загадочной смерти отца. Думаю, именно поэтому он, как и его отец в прошлом, мечтает завладеть Эррадейлом.

Твое присутствие на этой земле повергает все его притязания во прах, так что оставайся в Эррадейле, сколько захочешь, – хоть всю жизнь! Вряд ли мы когда-нибудь увидимся – я едва ли вернусь в Шотландию, а ты, по понятным причинам, не станешь возвращаться в Америку, но мы можем обмениваться письмами. Чувствуй себя в Эррадейле хозяйкой и делай все, что пожелаешь. Если тебе удастся извлечь из поместья доход и ты захочешь сделать эту землю своей по закону, то я, разумеется, рассмотрю твое предложение прежде всех прочих.

Несколько слов о лэрде Маккензи. Несколько лет назад он вышел в отставку и вернулся к себе в поместье. В армии, где он прослужил много лет, за невиданную свирепость и безжалостность его прозвали Демоном-горцем. Однако, водворившись в родном поместье в качестве лэрда Маккензи, он до сих пор не проявлял ни малейшего интереса ни к Инверторну, ни к Эррадейлу, так что думаю, с его стороны тебе ничего не грозит.

Однако хочу предупредить тебя, Элисон: ради собственной безопасности никогда, никогда не посещай замок Рейвенкрофт! Твоя мать не раз говорила мне, что не знает места опаснее этого.

Скоро напишу тебе еще, дорогая подруга.

Твоя

Миссис Грант Роллинз

(еще нет, но с Божьей помощью надеюсь скоро стать!)»

Если бы Саманта составляла список того, что больше всего на свете ненавидит, то на первом месте, пожалуй, стояли бы насильники. На втором – те, кто жесток к детям и животным. А на третьем... наверное, красивые и надменные шотландские лорды.

Еще недавно она ни секунды не колеблясь поставила бы на третье место убийц. Но теперь была не так уверена. В конце концов она сама – убийца. И не раскаивается в том, что совершила. Сожалеет, быть может, но не раскаивается.

Итак, на третьем месте – шотландские лорды, а сразу за ними – поездки верхом в юбке, в дамском седле!

Она-то привыкла ездить вообще без седла. Но в юбке так не выйдет – если не подогнуть на седло подол, его забрызгает грязью из-под копыт. Так что Саманта оседлала жеребца и поскакала в направлении эррадейлских пастбищ – потренироваться, прежде чем предстанет перед магистратом.

Для торжественного случая она выбрала строгое синее платье, уложила тяжелую косу в аккуратный круг на затылке и исцарапала себе всю голову, прикалывая булавками шляпу. Увы мутное зеркало над древним бюро лишь подтвердило то, что Саманта и так знала: она ни капельки не походила на леди!

А ведь Элисон Росс – *настоящая* Элисон Росс – она так хороша, так изящна... Ей, Саманте, не бывать такой никогда. Да, конечно, она может попасть из револьвера в яблочко на полном скаку, может починить упавшую изгородь, а также заклеить быка и принять роды у коровы. Но скользить по полу так плавно, чтобы люди гадали, есть ли под ее пышными юбками ноги, ей не дано. Она не умеет сиять улыбкой, флиртовать, говорить милые глупости. Ничего изящного, модного, утонченного в ней нет.

Она – просто Саманта Мастерс, костлявая девчонка с ранчо Смитов.

«Мне нравятся пухленькие и привлекательные, но хитроумные худышки нравятся тоже!» – говаривал со своей лукавой усмешкой Беннет.

Саманта определенно относилась ко второй категории. Не к «привлекательным».

О черт! Снова – как всегда при воспоминаниях о покойном муже – сердце пронзила знакомая боль, от которой перехватывало дыхание.

Как стать «пухленькой», если живешь впроголодь? И кому нужна «привлекательность» посреди бескрайней пустыни?

Когда знакомые мужчины хотели сказать Саманте комплимент, ее хвалили совсем другими словами. Называли сообразительной. Трудягой. Знающей свое дело. Говорили, что на лошади она сидит как влитая, что отлично управляется с вилами и снопами сена, – но никто никогда не говорил, что на ней очень красивое платье. Тем более что платья она надевала не так уж часто.

Беннет с этим мирился. «Верно, – говорил, – бедра у тебя костлявые, зато какое милое личико!»

В то время ей казалось, что это похвала.

И еще он хвалил длину и густоту ее волос и всегда сам расплетал ее косу, перед тем как они ложились в постель. Волны густых волос полностью скрывали ее плечи и грудь, и Беннет смотрел только ей в лицо.

Саманта с детства мечтала сбежать с ранчо, где выросла, подальше от семьи Смитов, поэтому охотно верила, что каждое слово, слетавшее с его красиво очерченных губ, должно было ей льстить.

Только теперь, задним числом, отравляя все светлые воспоминания о Беннете, мучили ее вопросы и подозрения.

А может, он стремился прикрыть ее тело волосами, потому что она ему не нравилась?

«Когда мы занимаемся любовью, я хочу глядеть тебе в глаза, – говорил он. – В твои прекрасные синие глаза. Зачем смотреть куда-то еще?»

И тогда она слышала только одно: «У тебя прекрасные глаза».

Но сейчас Саманта понимала: на все остальное он, скорее всего, старался не смотреть.

Миновав Гришем-Пик, Саманта повернула на дорогу, отделявшую ее владения от Инверторна. Хотела бы она, чтобы дыхание перехватывало лишь от первозданной красоты вокруг! И чтобы лишь далекие серовато-голубые шпили замка Инверторн, гордо вздымавшиеся над древним лесом, порождали боль в груди.

Но нет, в такие минуты – редкие минуты, когда Саманта не была занята работой, – она неизбежно обращалась к вороху вопросов, сомнений и тревог.

И каждое «почему» больно жалило в сердце.

Однажды – тогда они уже встречались тайком – Беннет вместе с Бойдом и Брэдли вызвался продать скот Смитов на ярмарке в соседнем городке. Вернулись они на неделю позже, чем собирались, и с полными карманами денег. Беннет говорил, что они остались помочь покупателям с забоем скота. Тогда Саманта поверила. А теперь спрашивала себя: правда ли это? И та кровь, что отстирывала она от его рубахи, – точно ли была бычья кровь?

А прошлой ночью, лежа без сна, Саманта вспоминала о том, как через четыре месяца после свадьбы сунула мужу под нос его рубашку, вонявшую дешевыми духами, и потребовала ответов. Он только рассмеялся и сказал, что ревность жены ему льстит. А потом терпеливо объяснил: она же сама знает, что центральные улицы Рено кишат шлюхами, а шлюхи обожают поливать себя всякой пахучей дрянью.

«Стоит пройти по Главной улице – и будешь пахнуть, как французский денди! – Тут он со смехом подхватил ее на руки и бросил на кровать. – Милая моя, не могут же все женщины пахнуть чистотой и свежестью, как ты!»

А в другой раз, когда Саманта заметила у Беннета на воротнике красные пятна, очень напоминавшие губную помаду, он как ни в чем не бывало ответил: мол, одолжил свою лучшую рубашку Брэдли, чтобы тот сходил в ней в салон и повеселился с девицами.

До сих пор ей не приходило в голову, что Беннет мог лгать.

Когда же, накануне ее двадцатого дня рождения, Беннет предложил ей бежать – она не колебалась ни секунды. Видела в нем рыцаря в сверкающих доспехах, готового спасти ее от ужасной участи – сделаться второй женой мормонского старейшины.

Беннет увел скот у Смитов – и Саманта ему помогла. «Это справедливо», – говорила она себе. На Смитов она с семи лет работала, целыми днями стирая пальцы в кровь, и ради чего? Чтобы ее продали похотливому старику?

Когда Беннет стал грабителем и втянул ее в свои преступные дела, Саманта верила: это потому, что честно на жизнь не заработать. Крупные землевладельцы, скотоводческие короли, поддерживаемые правительством, всех вытесняли с рынка, и братья Мастерсы говорили: для честных фермеров теперь все пути закрыты. Говорили о тирании – и она им верила. Верила, что они, как Робин Гуд в былые времена, грабят угнетателей, отбирают бесчестно нажитое и со временем употребят эти деньги на благородную цель – на то, чтобы открыть свое дело и дать работу десяткам безработных, которых вытесняли с заводов и фабрик машины.

– Может, ты и худышка, Сэм, – пробормотала Саманта вполголоса, – но хитроумной тебя не назовешь. – Какая умная женщина позволила бы втянуть себя в такую историю?

– Кто такая Сэм? – послышался вдруг мужской голос.

– О черт! – выдохнула Саманта, с быстротой молнии выхватив револьвер и направив его на незваного гостя.

Оказавшись под дулом пистолета, Каллум с улыбкой поднял руки.

– Извини, что напугал, милая, – сказал он. – Мне казалось, топот моего коня услышал бы целый английский полк! Только в тот момент, когда подъехал ближе, я понял: ты здесь беседуешь с призраками...

Уже не в первый раз Саманта испытала странное чувство, вглядываясь в лицо этого мужчины, густо заросшее черной бородой, и в его странные золотистые глаза. Может, борода должна была не только защищать от солнца и от холода, как говорил он сам, но и скрывать его истинный возраст? Ведь Каллум еще совсем не стар. И, пожалуй, красив. А под всеми этими мехами и шкурами, что он носил на себе, скорее всего, скрывалось сильное и гибкое тело – тело мощного и здорового зверя. В его движениях чувствовалась уверенность хищника, а во взгляде – странная тайная боль, словно эти золотистые глаза видели слишком много горя. Каллум казался человеком, уставшим от жизни, и все же в нем – в движениях, в голосе, во взгляде – ощущалась огромная жизненная сила.

– С призраками? – в недоумении перепросила Саманта, убирая пистолет в кобуру.

– С кем-то по имени Сэм, – напомнил он ей.

Выходит, сама она и есть призрак? А может, это Сэм умерла, когда она спустила курок?

– Нет-нет! – громко и уверенно ответила она. – Сэм – это я сама. Так называли меня в Америке. – Она усмехнулась. – Я говорила сама с собой.

– Сэм? – недоверчиво переспросил Каллум. – Как можно превратить имя «Элисон» в «Сэм»?

– А как «Уильям» превращается в «Билла»? – парировала Саманта. – Или «Ричард» в «Дика»?

– Тоже верно, – кивнул бородач.

Взгляд его скользнул по ее платью – скорее с любопытством, чем по-мужски оценивающе. То есть как всегда...

– Спасибо за рыбу, – поблагодарила она, вдруг вспомнив о хороших манерах. – Если бы не твои подарки, пришлось бы забить корову, а этого я совсем не хотела.

Каллум кивнул, и она почувствовала, что он понял скрытый смысл, стоявший за ее словами. «Спасибо за рыбу, которую ты приносишь по утрам к моим дверям, однако я не считаю, что теперь тебе обязана. Я справилась бы и без тебя» – вот что она сказала на самом деле.

– Я ехал в Инверторн навестить отца, – сообщил Каллум. – И вдруг вижу, ты проезжаешь мимо, разодетая, словно в церковь собралась... Или на свадьбу?

Саманта чувствовала, что этот одинокий отшельник начинает ей нравиться. Для человека, избегавшего общества, он вел себя на удивление естественно и просто. Если хотел что-то узнать – просто задавал вопрос. Если видел, что ты, возможно, хочешь побыть одна – просто открывал дверь и уходил. Ей это нравилось.

– Еду на встречу с магистратом, – объяснила Саманта. – Помнишь те письма и документы, что ты любезно доставил мне из Гэйрлоха за день до... нашей небольшой стычки с лордом Торном?

– Помню, – коротко ответил Каллум. Саманта заметила, что широкие плечи его под курткой из тюленьей шкуры слегка напряглись, а взгляд как будто стал острее.

– Так вот... – Она помолчала, но затем решила, что никакого секрета в этом нет. – Это те самые документы, которые я должна предъявить магистрату, чтобы получить права на Эррадейл.

– Понятно. – Каллум повернулся, чтобы взглянуть на Инверторн. – И кажется, там было еще письмо...

– Верно, – ответила она с улыбкой. – Я скучаю по американским друзьям. На прощание они обещали писать мне как можно чаще, чтобы я не чувствовала себя одинокой.

Прочитав письмо от Элисон Росс, Саманта еще раз поздравила себя с тем, что сдержалась и не стала стрелять в лорда Торна, проникшего на ее землю. Хотя...

Вполне возможно, ей еще придется в него выстрелить. Потому что она должна выполнить свое обещание. Элисон отдала ей свою землю, и теперь Саманта была обязана защищать ее от графа. Любой ценой. Если потребуется – ценою жизни.

– Каллум, ты знаком с магистратом? – спросила она.

Мак-Тайр утвердительно кивнул.

– Мы с ним вместе росли.

Саманта улыбнулась, решив, что это хорошая новость.

– И что мне посоветуешь?

Подумав несколько секунд, Каллум ответил:

– Не теряйся. Магистрат может выглядеть... угрожающим, но не позволяй ему тебя запугать. И вот о чем помни прежде всего. Хотя вы и встретитесь у него в кабинете, в цивилизованном месте, но... видишь ли, мужчины, особенно мы, горцы, немногим лучше зверей. Нами руководят примитивные инстинкты. Обращайся к нашим инстинктам – и получишь то, что тебе требуется, – добавил Каллум.

Саманта задумалась над его словами, пытаясь понять, чем это ей поможет. А Каллум уже повернул коня в сторону Инверторна.

– Почему ты мне помогаешь? – спросила Саманта. – Разве вы с Торном не друзья?

Вместо того чтобы обернуться к ней, бородач бросил взгляд на запад, в сторону океана. Лицо же его сделалось еще более загадочным.

– Верно, друзья. И всегда останемся друзьями. Но я считаю, что эти земли принадлежат Элисон Росс. И я помогу тебе за них бороться.

– Спасибо, Каллум, – с неожиданной для себя искренностью ответила Саманта.

Он лишь кивнул в ответ и вскоре скрылся в Инверторнском лесу.

Однако от добрых чувств Саманты к этому человеку совершенно ничего не осталось, когда она, войдя в контору магистрата округа Уэстер-Росс в Гэйрлохе, прочла табличку на двери.

Магистрат и мировой судья лорд Гэвин Сент-Джеймс, граф Торн.

Глава шестая

Когда дверь его кабинета распахнулась, с силой ударившись о стену, Гэвину не пришлось даже поднимать взгляд. Он знал, кто это. Ее и ждал.

Пульс его участился, и пришлось отложить перо из опасения, что легкая дрожь руки выдаст его чувства.

В кабинет ворвалась Элисон Росс. В эту минуту, несмотря на всю свою хрупкость и женственность, она очень напоминала разъяренного быка, что, пригнув голову, несется на врага.

И Гэвин сам удивлялся тому, с каким нетерпением ждал возможности с ней «пободаться».

С той секунды, как граф увидел ее имя в списке посетителей, он уже не мог заниматься ничем другим. Выслушал несколько дел, перенес их рассмотрение на другие дни, а затем приказал секретарю «очистить» вторую половину дня – после встречи с девицей Росс, назначенной на полтретьего.

Почти до самого обеда Гэвин тщетно пытался понять, что именно не давало ему покоя. И что за странное тревожившее чувство начинало глотать его изнутри при мысли о новом столкновении с этой дерзкой девицей? Поначалу смутное, едва заметное, это чувство постепенно разгорелось и стало всепожирающим.

Голод!

За две встречи с этой женщиной – короткие, но, надо отдать ей должное, весьма напряженные встречи – он прошел путь от «ради Эррадейла я, пожалуй, готов даже с ней переспать» до «я хочу с ней переспать, и это сейчас важнее всего на свете!»

Кроме Эррадейла, разумеется.

– Ради ада и всех его дьяволов, вы можете объяснить, что это за куча лошадиного дерьма?! – С этими словами девица швырнула ему на стол документы, которые по указанию Гэвина передал ей его секретарь.

Гэвин заметил, что на сей раз она была без перчаток.

– Ах, это вы, *бонни*... – протянул он с наигранной любезностью, прекрасно понимая, что мисс Росс, и так не очень-то умевшую владеть собой, такой тон немедленно выведет из себя. – Вы, как всегда, милы и чрезвычайно любезны – словно еж, загнанный в угол.

– Я просила вас не называть меня «бонни»! – прошипела девица. – Меня зовут... зовут...

В этот момент Гэвин начал подниматься из-за стола, и она вдруг умолкла. На миг – всего на миг – ледники ее глаз растаяли. И не просто растаяли – полыхнули обжигающим пламенем. Она хотела его – в этом не могло быть сомнений!

Уже в следующую секунду мисс Росс крепко зажмурилась, но Гэвин успел заметить, как до того расширились и потемнели ее синие глаза. В следующий миг она крепко сжала губы, но он заметил также и то, что эти пухлые губки до этого чуть приоткрылись.

Вот и слава богу! А то он уже начал опасаться, что теряет хватку. Кстати, а почему так раздуваются ее ноздри – от злости или, быть может, от возбуждения?..

Впрочем, у дорогой Элисон, кажется, одно другому не мешает.

– Что такое, *бонни*?.. – протянул он своим выразительным баритоном. – Собственное имя позабыли? Ну-ну, не смущайтесь. Такое часто случается, когда девицы из чужих земель впервые видят шотландца в костюме его родины. – Тут он указал на свой килт, накидку и спорран, кожаную сумку через плечо. – Узнаете цвета, милая? Вам они хорошо знакомы!

Сегодня он надел цвета Россов – и ожидал взрыва ярости. Но она только отвела взгляд.

– Я... я думала, что буду выступать перед судом, при свидетелях, а не... не в кабинете магистрата... то есть в вашем.

Гэвин прищурился. Неужто эта американочка так прочно порвала с родиной, что позабыла даже цвета собственного клана?

Нет, быть такого не может! Вероятно, девчонка хитрее и гораздо лучше владела собой, чем ему казалось. Скрывала свои истинные чувства? Хочет, чтобы он ее недооценил?

– Я подумал, что нам обоим будет удобнее и приятнее обсудить найденное мною... м-м... свидетельство с глазу на глаз.

С этими словами Гэвин вышел из-за стола и положил руку на тот документ, который мисс Росс бросила на стол.

– Похоже, утверждение, что ваш прадед Джеймс Росс купил Эррадейл у Маккензи, следует подвергнуть сомнению, – продолжал он. – В этой бумаге ясно сказано, что Джеймс Росс получил Эррадейл в аренду на срок в девяносто девять лет. Чтобы сохранить Эррадейл за собой на следующие сто лет, вам придется не позднее 1 января 1881 года выплатить условленную арендную плату – тысячу фунтов.

– А если я не заплачу? – с воинственным видом поинтересовалась девица.

Гэвин пожал плечами.

– Что ж, в таком случае вам придется передать поместье Эррадейл лэрду Маккензи.

– Вилы ему в задницу, а не поместье! – в ярости выпалила Элисон.

Как обычно, выражений она не выбирала. Что ж, ничего страшного. Куда хуже было то, что в этот момент Гэвин почувствовал весьма характерное напряжение в паху.

– Все американки так вульгарны – или только вы? – поинтересовался он, стараясь говорить сухо... и одновременно проклиная себя за прокравшиеся в голос чувственные нотки.

Этой его реплики девица словно не заметила.

– Но ведь вам это не поможет! – воскликнула она. – Сами же говорили, что вы больше не Маккензи. Значит, земля достанется не вам, а вашему брату.

Присев на край стола, Гэвин окинул стоявшую перед ним женщину внимательным взглядом. Смотри-ка, мисс Росс еще и отлично соображает! Может, она и не леди, но точно не дура.

– Процесс об эмансипации – дело долгое, – ответил он, пожав плечами. – Пока процесс не закончен, формально я остаюсь членом клана Маккензи. У нас с Лиамом немало разногласий, это правда, но Эррадейл ему не нужен – и тем более не нужно взваливать на себя бремя налогов за эту землю. Он будет счастлив принять мое предложение и отдать мне Эррадейл в обмен на мою долю в винокурне Маккензи. Избавиться, так сказать, от двух камней на шее по цене одного. – «От ненужного клочка земли и от нелюбимого брата», – мысленно добавил Гэвин и невольно вздохнул.

– Но у меня имеется купчая на землю, и смысл ее прямо противоречит этому так называемому договору об аренде. – Мисс Росс помахала у него перед носом бумагой, однако, едва он протянул за ней руку, поспешно отдернула свою. – Так что встретимся в суде! Просто скажите, когда и где.

По лицу Гэвина расплылась улыбка – сладкая как мед.

– Если у вас есть доказательства обратного, вы вправе представить их все в судейской коллегии магистрата.

Элисон Росс нахмурилась, что-то соображая. Гэвин не мог не отметить, что такое выражение лица чертовски ей шло.

– Но... но ведь магистрат – это вы!

– Ох, а ведь верно! – с притворным изумлением отвечал граф.

Элисон густо покраснела: румянец гнева заливал ее щеки и шею. «Интересно, – подумал Гэвин, – грудь у нее сейчас тоже зарумянилась?»

– Вы... вы... да вы просто грязный мошенник! – вскричала она, судорожно сжимая в руке свой драгоценный документ.

– Я слуга закона, а не мошенник, – с легким поклоном ответил Гэвин.

– Но вы не можете решать это дело. Ведь у нас с вами конфликт интересов! Вы же прекрасно понимаете...

– Знаете, это у вас в Америке принято беспокоиться о мельчайших юридических формальностях. Мы к делу подходим проще. Достаточно того, что все мы верно служим британской короне, а она служит нам.

В глазах Элисон промелькнула паника, и она в растерянности пробормотала:

– Неужели ничего нельзя сделать? – Казалось, она забыла о его присутствии и говорила сама с собой.

«Как странно...» – подумал Гэвин. Странной была его реакция на эту девицу. Когда Элисон орала и бранилась, на это реагировало его мужское естество, но отчаяние, прозвучавшее сейчас в ее голосе, вдруг пробудило к жизни совсем другой его орган. Тот, что, казалось, давным-давно спал крепким сном. Тот, которому Гэвин много лет назад приучился не верить и не принимать в расчет.

Потирая ладонью левую сторону груди, он спросил:

– Скажите, не будь вы из Россов, а я – из Маккензи, мое предложение купить Эррадейл вас бы соблазнило?

– Я... не могу сказать, – ответила Элисон, глядя на него с беспокойством.

Гэвин осторожно шагнул к ней. Она не отпрянула, и он сделал еще шаг.

– Если наши отцы были врагами, это не значит, что враждовать должны и мы. – С этими словами он подцепил пальцами выбившуюся из ее прически шелковистую прядь волос, заправил ей за ухо. Это было почти машинальное движение, вдруг показавшееся ему вполне естественным и даже привычным. – Милая, вы все еще можете продать мне землю. И остаться богатой, очень богатой дамой. А можете вступить со мной в борьбу – и остаться ни с чем.

Элисон Росс глубоко задумалась, закусив нижнюю губу. Он ждал, не в силах оторвать взгляд от ее губ – пухлых и сочных. Господи, как хотелось попробовать их на вкус!

– Это нечестно! – наконец воскликнула она с дрожью в голосе. – Так нельзя! Вы выкручиваете мне руки...

– Пока нет, – выдохнул он ей в самое ухо. – Хотя, если это убедит вас согласиться, готов и выкрутить руки... и куда-нибудь опрокинуть.

Тут Элисон словно очнулась.

– Хватит меня соблазнять! – отчеканила она и, отпрянув от него, схватила со стола договор об аренде и помахала им словно боевым топориком. – А этим, сукин ты сын, можешь потереть себе задницу!

– К магистрату положено обращаться «ваша честь», – поправил граф, скрестив руки на груди, чтобы удержаться от соблазна ее обнять.

– Хорошо. – Она сделала глубокий вдох. – Этими бумагами вы, ваша честь, можете потереть себе задницу. Ни закулисные сделки, ни обращение со мной как с уличной девкой – ничто не поможет вам добиться своего. Хотите заполучить Эррадейл – придется вам за него побороться!

Повернувшись к нему спиной, мисс Росс зашагала к дверям.

– Может, и так, – ответил Гэвин, догоняя ее двумя широкими шагами. – Похоже, никто из нас не против хорошей драки!

Он попытался преградить ей путь, но Элисон проскользнула у него под рукой и шмыгнула за порог – впрочем, оставив у него в руке свою шляпку.

Гэвин с поклоном подал ей головной убор.

– Какой же вы ублюдок! – прошипела она свирепо, выхватив у него шляпку.

Он расплылся в улыбке и проговорил:

– Вы удивитесь, если узнаете, сколько раз меня так называли. А ведь я – законный сын своего отца!

– Ни капли не удивлюсь! – отрезала она и, развернувшись на каблуках и взметнув пышные юбки, гордо прошествовала мимо секретаря, с открытым ртом слушавшего их перепалку.

Гэвин проводил девушку взглядом, подавляя желание ее окликнуть. Хотелось спросить, не собиралась ли она надеть на суд те странные голубые штаны, что сидели на ее стройных ногах словно вторая кожа.

Голубые – как огонь в ее глазах.

«Голубое пламя, – вспомнилось ему – это то, что ярче всего горит».

– А с тобой я вообще не разговариваю! – рявкнула Саманта и захлопнула дверь.

Немного подумав, она снова ее распахнула, выхватила у Каллума очередное «подношение» – ошипанного тетерева – и опять захлопнула.

– Я еще и соль принес! – крикнул он, нагнувшись к замочной скважине. – И дикий укроп, а также розмарин, что растут здесь, на утесах. Но ты их получишь только тогда, когдапустишь и меня!

При мысли об аппетитной жареной птице с солью и зеленью рот Саманты наполнился слюной. К тому же снаружи шел проливной дождь. И все же она не готова была впускать Каллума, пока его голос за дверью не сменился дрожащим тенорком Кэлибрида:

– На нас-то ты не злишься, верно? Надеюсь, что нет. Знаешь, еще одной зимы на мясной похлебке Лока я просто не переживу!

И тут же послышался голос Локрина, что-то проворчавшего басом.

С тяжелым, хоть и не вполне искренним, вздохом Саманта отодвинула засов и отступила от двери, впуская в дом вместе с холодным ветром и троих продрогших гостей.

Кэлибрид, используя остроту своих локтей, ворвался первый. Узловатые коленки его под красно-желтым килтом отчетливо тряслись, а с редких прядей, торчавших из-под клетчатого берета, и с длинной и тонкой седой бороды, придававшей ему вместе с лохматыми бровями удивительное сходство со старым козлом, струилась вода.

Локрин обладал такими же костлявыми коленками, однако, в отличие от Кэлибрида, мог похвастать широкими плечами и обширным пузом. Физиономия у него была круглая как солнышко и, как казалось, очень добрая, однако с постоянным хмурым выражением, что всегда удивляло и забавляло Саманту. Сейчас он взирал на хозяйку с нескрываемым скепсисом.

– Тетерев? Хм... давайте я сам его приготовлю!

Но Кэлибрид положил руки ему на плечи и принялся толкать его в сторону зала, где ярко пылал очаг, над которым Саманта уже расположила вертел.

– Ступай-ка лучше туда, подбрось в огонь торфа и кедровых щепок, чтобы дым был ароматнее, – проговорил Кэлибрид.

Соблазнившись перспективой после холода и дождя снаружи оказаться у горящего очага, Локрин проворчал «ну ладно» и двинулся вперед.

Так проходили теперь их вечера. После долгого дня, заполненного работами на пастбище, мужчины расходились кто куда, а затем, уже после захода солнца, снова появлялись на пороге, привлеченные дымом, клубившимся над самой высокой трубой старого особняка.

– Когда Лок в последний раз пожарил птицу, – сообщил драматическим полупшепотом Кэлибрид, – я потом неделю с кровати встать не мог. Хлестало с двух концов, если вы понимаете, о чем я...

Но жалобы его были внезапно прерваны. Из зала в переднюю, со «шлепающими» звуками падая на каменный пол, полетела мокрая одежда Кэлибрида – шарф, свитер, еще один свитер, и, наконец, неподалеку от одежды звучно приземлился башмак.

– Убирайся отсюда и жри со скотиной, пока не отучишься разбрасывать повсюду свое дерьмо! – заорал Локрин.

– Не беспокойся, Лок, я все подберу на обратном пути. Я же всегда так делаю, правда, Сэм? – Не дожидаясь ответа, Кэлибрид крикнул приятелю: – Собрался всю ночь меня пилить?! Лучше набей торфа в рот да помалкивай!

Локрин прошелся по залу, подбоченившись, точно рассерженная матрона, только с рыжей бородой.

– Вот интересно, – проговорил он, – почему это у Сэм ты свои тряпки собираешь, а у нас дома их собираю я? Я что, такой чести не заслужил?

– Лок, старина, хватит кудахтать! Дождешься, что Сэм отправит тебя спать в курятник!

Саманта, которую эта сцена и развеселила, и заинтриговала, наклонилась к Каллуму и вполголоса прошептала:

– Они ругаются словно пожилые супруги.

– Ходят упорные слухи, что так и есть, – прошептал в ответ Каллум.

– Как это?.. – в недоумении протянула Саманта. И вдруг глаза ее округлились, и она на мгновение прикрыла рот ладонью. – Так вот оно что... – прошептала она, теперь уже по-новому глядя на двух забавных стариков. Их уединенная жизнь вдвоем и постоянные шуточные перебранки стали ей отчасти понятны. – Но кто из них муж, а кто жена?

В груди Каллума зарождался мощный басовитый смех, напоминавший гром над далекими Гебридами.

– Об этом мы с Торном спорим уже много лет, но никак не можем прийти к согласию, – ответил он вполголоса.

И тут Саманта вспомнила, что все еще сердита на отшельника. Она смерила его хмурым взглядом, и тот притворно потупившись, проговорил:

– Я-то полагал, что ты знаешь, кто у нас магистрат. – Он в смущении улыбнулся, и Саманта вдруг заметила, что борода его уже, словно солью, присыпана сединой.

– У нас в Америке есть пословица насчет необоснованных предположений, – пробормотала она, принимая его дары и начиная натирать птицу солью и пряностями перед тем, как нанизать на вертел.

– Какая же? – Золотистые глаза Каллума блеснули насмешкой, и Саманта поняла, что он знал эту поговорку.

– Когда думаешь, что другой человек сам все прекрасно знает, рискуешь выставить ослон и себя, и... Ну, в данном случае только себя.

– Не стану спорить, милая, не стану, – сказал Каллум.

Его басовитый смех согревал душу Саманты так же, как согревал ее тело огонь в очаге, для которого она успела набрать и наколоть дров, прежде чем разразилась буря.

Колоть дрова было нелегко, но Саманта нашла способ облегчить работу: всякий раз, взмахивая топором, она представляла себе, что опускает лезвие на ухмыляющуюся физиономию лорда Торна. С этой мыслью дело сразу пошло веселее!

Черт бы побрал лорда Торна... и этот его глубокий раскатистый баритон! А также проклятую ямочку на подбородке! Наглый ублюдок прекрасно понимал, как его внешность действовала на женщин. И он точно знал, как воспользоваться своим гибким мускулистым телом хищника и ослепительной улыбкой, чтобы лишить женщину рассудка!

«Только не меня, – мысленно добавила Саманта, поворачивая птицу на вертеле. – Во всяком случае, не в этот раз».

– Видимо, встреча с Торном прошла не совсем удачно? – осторожно предположил Каллум.

– Он якобы нашел какой-то договор об аренде столетней давности, опровергающий мою купчую. Бог знает, какой из документов поддельный. По мне, так оба выглядят как настоящие.

– Быть может, тебе пора нанять поверенного? – сказал Каллум.

Саманта кивнула. Она и сама уже об этом думала, однако, не будучи знакома с британской жизнью, не знала, хватит ли ей денег на услуги адвоката. Да и вообще не понимала, много ли у нее денег. То, что дала ей с собой Элисон, – это сколько по здешним меркам?

– Скажи, Каллум, – решила она спросить, – а если я захочу оспорить решение магистрата, то куда я должна обратиться?

– Видимо, в Королевский верховный суд.

– Из сегодняшнего разговора я поняла, что если захочу оспорить договор об аренде и доказать, что моя купчая имеет преимущество, то мне надо предстать перед судейской коллегией магистрата. Но магистрат – Торн. Это же нечестно!

– Как ты сказала?.. Судейская коллегия?..

Заинтригованная ноткой недоверия в голосе Каллума, Саманта подняла глаза от жаркого.

– Да, именно так. А что?

Отшельник улыбнулся, обнажив на удивление белые и крепкие зубы.

– Похоже, Торн забыл тебе кое-что объяснить – или просто не счел нужным. Да, он у нас главный мировой судья. Но в судейской коллегии магистрата, что собирается четыре раза в год и юрисдикция которой простирается от острова Малл до самого Лохинвера, заседают трое.

– И что это значит?

– Что побеждает большинство. Чтобы получить решение в свою пользу, тебе нужно склонить на свою сторону двоих магистратов из троих.

У Саманты перехватило дыхание.

– А кто еще состоит в судейской коллегии?

– Один – граф-англичанин, заменивший сына Хеймиша... Ну, того из них, что был повешен за измену. Граф Нортук, кажется.

– Ты про Черное сердце из Бен-Мора? – подсказал Локрин, подбросив в огонь брикет торфа.

– Черное сердце из Бен-Мора?.. – эхом отозвалась Саманта. – Звучит не слишком приятно.

– Ему принадлежит замок Бен-Мор на острове Малл. Не беспокойся, милая. Как судья он очень даже неплох. Быть может, не всегда судит строго по закону, но к делу подходит ответственно. Говорят, он незаконный сын старого Маккензи. Так или иначе, в своих решениях он обычно следует за лэрдом.

– За лэрдом? – снова переспросила Саманта. Все это ей совсем не нравилось. – Но ты же не хочешь сказать...

– Он говорит о Демоне-горце! – объявил Локрин.

– О нынешнем лэрде Маккензи, – поправил Каллум, бросив на Локрина предостерегающий взгляд, меж тем как Кэлибрид пихнул своего приятеля локтем в бок. – Он также известен как маркиз Рейвенкрофт. Вернувшись из своих заграничных военных походов, маркиз занял третье судейское кресло.

Саманта тяжело вздохнула. Ее надежды ухнули в пропасть.

– Если так, мне в здешнем суде делать нечего, – заметила она, откинув с лица прядь волос.

– Нет-нет, не сдавайся, – подбодрил ее Каллум. – Рейвенкрофт и Торн, как правило, ни в чем друг с другом не соглашаются.

– Потому что Торн спал с его первой женой?

Каллум неловко заерзал на своем месте, и Саманта вспомнила о том, что они с лордом Торном – старые друзья.

– Ну... гм... это тоже делу не помогло, – пробормотал Каллум.

Несмотря на жар от очага, по спине Саманты пробежал холодок, когда девушка мысленно спросила себя: «Значит, враг моего врага – мой друг, не так ли?»

– Думаешь, этого лэрда Маккензи тронут мои просьбы? – проговорила она. – Каллум, ты хорошо его знаешь?

Тут Кэлибрид протянул руку к огню и, прежде чем Саманта успела его остановить, сорвал с тетеревиного бока хрустящую поджаристую кожицу.

– Всем от Дорсета до Кейп-Рэта известно: хочешь поладить с Демоном-горцем – сначала поладь с его женой! – изрек он.

– Точно! – согласился Локрин. – Муж ее обожает и потекает ей во всем. По моему мнению, если хотите знать, это из-за величины ее... – Он сделал выразительный жест, обрисовав у себя на груди воображаемые внушительные выпуклости.

– Величины сердца! – воскликнул Кэлибрид, схватив старика за руки. – Все из-за ее огромного доброго сердца!

– Это-то верно, – закивал Локрин, пытаясь освободиться. – Но, кроме сердца, Господь наградил ее невероятно больши...

– Большой силой духа! – перебил Кэлибрид, закрыв ему рот ладонью.

– Да нет же! – вскричал Локрин, отбрасывая руку приятеля. – Я про ее большие... Оставив всякое притворство, Кэлибрид просто шлепнул друга ладонью по лбу.

– Ты мне за это ответишь! – пригрозил Локрин.

Наблюдая за этой сценой и давясь от смеха, Саманта спросила:

– Ты про ее грудь?

– Нет-нет! – вскричал Кэлибрид.

А Локрин в тот же миг воскликнул:

– Да-да, конечно!

– Вы же знаете, мне можно все говорить начистоту, – сказала девушка.

– Как это – «начистоту»? – Локрин почесал свои лохмы. – Я ведь вроде бы ничего такого грязного не сказал...

– Начистоту – так выражаются в Америке, – рассмеялась Саманта. – Это значит – говорить искренне, все как есть. Не нужно стесняться и подбирать слова только потому, что я женщина.

– Это мы знаем, – потупился Кэлибрид. – Вот только...

– Да просто Кэл, старый дурак, решил, что ты огорчишься или начнешь завидовать, – простодушно пояснил Локрин. – Потому что у жены лэрда сиськи во какие! А у тебя... гм... ну, можно сказать, совсем никаких нет.

– Все, что мне надо, у меня есть! – возмутилась Саманта.

Три пары мужских глаз тотчас же уставились на весьма скромный вырез ее платья, и Саманта скрестила руки на груди, мысленно признавая, что впечатлить мужчин ей и впрямь нечем.

– Не думай об этом, Сэм, – решил утешить ее Кэлибрид. – Ты очень красивая!

– Это точно! – согласился Локрин.

– Глаза у тебя того же цвета, что и наш Альт-Дабхорм.

– И это правда.

– Ну, а грудь? Что грудь? Разве это в человеке главное?

– Ты не переживай, и без сисек жить можно! – добавил Локрин, но, на взгляд Саманты, это было уже лишнее.

Кэлибрид снова пихнул приятеля локтем.

– Ах ты старый болван! Еще раз рот откроешь – смотри, как бы тебе не остаться без ужина!

– Да уж, тетеревиную грудку кто-то сегодня точно не получит! – подмигнув старикам, проговорила Саманта.

Решившись наконец, взглянуть на Каллума, она заметила, что по щекам его, почти сплошь заросшим бородой, разливается румянец, а золотистые глаза искрились весельем. Хотя... Было в его глазах и еще что-то, и это «что-то» заставило ее поспешно отвести взгляд.

Жареного тетерева с зеленью и в подливке из стекшего жира, четверка ела в уютном молчании. Саманта обдумывала свое положение и пыталась понять, что делать дальше.

Даже если забыть о данном Элисон обещании, Саманта не хотела расставаться с Эррадейлом. За неделю, прожитую здесь, она успела полюбить это место. Влюбилась в этот старый дом со сложной планировкой, к которому, казалось, каждое новое поколение пристраивало что-то свое – и в просторный зал, и в холл, и в окна-бойницы... Никогда еще ей не приходилось жить в таком огромном доме! И в таком старом – быть может, старше всей ее страны.

Целые дни, с утра до вечера Саманта проводила в полях, на болотах и на берегах хрустальных озер, гоняя скот, так что возможности привести дом в порядок у нее пока не было. Даже топила она только в зале и в хозяйской спальне. Каждую ночь, завернувшись в мягкие меха, устраивалась она на каменном полу перед очагом и засыпала под уютный треск огня и пляску теней на стенах. Иногда, проснувшись среди ночи, не сразу вспоминала, где она – пылающие в очаге угли и тени вокруг создавали впечатление какого-то зачарованного царства.

Порой среди теней являлись Саманте лица ее демонов. Или ее грехи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.